

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

КРЕДИТ НА МИЛОСЕРДИЕ

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

Анклавы

Андрей Фролов

Кредит на милосердие

«ЭКСМО»

2011

Фролов А. Е.

Кредит на милосердие / А. Е. Фролов — «Эксмо»,
2011 — (Анклавы)

Долгожданное продолжение легендарного цикла Вадима Панова «Анклавы»! Грандиозный эксперимент на станции «Наукома» вызвал на Земле разрушительную Катастрофу. Столб чистой энергии устремился в Космос и прошел планету насквозь. Рухнули горные хребты, реки повернули вспять, изменились очертания материков, погибли миллионы людей – такой оказалась цена человечества за доступ к Новым Мирам. Уцелевшие и вновь созданные государства сошлись в ожесточенной схватке за наследство погибшей цивилизации. И за доступ к Станции. А людям остается только выживать кто как может. По отдаленным сибирским деревням разъезжают бандиты на вездеходах и заготавливают мясо, не разбирая – где чье... Юной Варваре пришлось стать невольной свидетельницей страшной гибели своей бабушки, от которой девушке достался необыкновенный дар... Наемник Илья Вебер по заданию неведомых заказчиков стремится пробиться далеко на север, чтобы раскрыть зловещий секрет станции «Куэн Као». А президент Республики Сибирь Ростислав Гиляров пытается найти компромисс между потребностями страны и неослабным давлением китайских соседей...

© Фролов А. Е., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

* * *	5
CREDITUM I	6
CREDITUM II	11
CREDITUM III	15
CREDITUM IV	20
CREDITUM V	26
CREDITUM VI	31
CREDITUM VII	34
CREDITUM VIII	38
CREDITUM IX	41
CREDITUM X	45
CREDITUM XI	48
CREDITUM XII	53
CREDITUM XIII	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Фролов

Кредит на милосердие

Эта книга – моей маме.

Спасибо, что всегда верила в меня!

* * *

Светло-зеленый столб чистой энергии устремился в небо и прошел сквозь планету. Добрался до звезд, ударил в раскаленное сердце Земли.

И скорчился пронзенный мир.

Изнасилованная планета огрызнулась волной землетрясений, самое слабое из которых тянуло на восьмерку. Новосибирск, Дели, Куала-Лумпур, Сиэтл, Берлин, Денвер, Кито... Жертвами стали не только города – по всему миру к ним присоединились тридцать пять атомных электростанций.

Потрявоженная вода ударила наотмашь: тридцатиметровые волны разбежались по Индийскому океану и Атлантике, а огромный Тихий породил пятидесятиметрового монстра. Цунами захлестнули Лос-Анджелес и Новый Орлеан, Нью-Йорк и Бостон, Калькутту, Сингапур, Шанхай...

Вулканы Исландии и Камчатки «отозвались» почти мгновенно, а через два часа после запуска Станции в ста милях от Солт-Лейк-Сити начал пыхтеть первый из «новых вулканов», заливая окрестности вырвавшейся из глубин лавой.

Пришли в движение плиты, вздрогнули разломы земной коры, ушли под воду острова, и возникли новые.

Географические карты устарели.

Мироустройство рухнуло, правительства большинства стран перестали существовать, а понятие «глобальная сеть» надолго стало анекдотом.

Все, что не взорвалось и не исчезло – остановилось.

Это был ад.

Это был «День Станции».

День величайшей в истории Земли катастрофы, которая открыла человечеству дорогу в восемь новых миров. Глобальная перезагрузка, запустившая программу «Цивилизация 2.0». Разрушившая прежний мир, но подарившая надежду.

Люди, привыкшие к удобствам технического прогресса, окунулись в первозданный Хаос, увидели гибель неизбежного, казалось бы, мира, но не отступили, потому что нет у настоящих людей такого правила – отступать.

Люди хотели выжить. Любой ценой.

CREDITUM I

Новеньких заметили с восточного поста и сразу просигналили в основной лагерь. К тому времени, как двое добрались до периметра, об их приближении знали все старшаки, да и среди детей слух разлетелся со скоростью лесного пожара.

– Пошли, епта, посмотрим. – Напильник требовательно пнул по корпусу панцирной кровати, пружины загудели. – Свежее мясо прибыло...

– Угу.

Митяй спрятал под подушку потертую книжонку, неохотно сунул ноги в армейские ботинки, встал. Было почти два, самое время подремать после недавнего обеда... Да и вообще идти не хотелось, но так предписывали негласные правила, а лаяться лишний раз не хотелось сильнее.

Набросил на плечи выцветшую куртку, вышел в пробиваемый сквозняками коридор. Там к Напильнику уже присоединился плоскомордый Клёпа, как обычно улыбчивый без причины. Парни двинулись к лестнице, и Митяй без особенного удивления заметил автомат, висящий на плече директора.

Ствол, конечно, лишний – если бы лагерю угрожала опасность, сигнал был бы иным, заставив исполниться всех, кто имел право пользоваться оружием. Сейчас же это походило на обычную игру мускулами, как такое поведение называли в любимых Митяем книгах. Но Напильник встречал во всеоружии любого пришлого. Да и в обычное время предпочитал не расставаться с настоящим спецназовским «Ураганом», одним из их лучших трофеев.

Спустились во двор, где уже собралась кучка малышни, сегодня освобожденная от вахт. Дети негромко обсуждали новость, шушукаясь с тревожным нетерпением. Заметив появление старших, примолкли. Сбились в стайку, пытаясь угадать настроение лидеров, на всякий случай чуть попятись от дверей барака.

– Они у ворот, – медовым голосом отчитался Беляш. – Их Косила встретил уже, вас только ждут.

Митяй поморщился, отвел взгляд. Он никогда не любил полного пухлощекого подростка, всеми силами пытавшегося заслужить расположение вожаков. А уж в последние месяцы тот и вовсе не скрывал намерений, готовый лебезить и выполнять любые приказы. Васька Косороев, закадычный Беляшин дружок, такую тактику поведения перехватил мигом, а потому его присутствие на воротах тоже не стало сюрпризом.

– Ну, епта, vedi, посмотрим, – прищурившись, согласился Напильник.

Столпившаяся перед двухэтажным зданием кучка малолетних кропоткинцев расценила его слова как официальное разрешение наблюдать за встречами. Шумно устремилась вслед. Митяй, даже не стараясь нагнать процессию, пристроился в хвост, хмуро посматривая по сторонам.

Он видел, как из теплиц выглядывают занятые работой обитатели лагеря, видел любопытство и легкий страх, купающиеся в детских глазах. Им тоже не терпелось узнать, кто пожаловал в гости, но боязнь оставить рабочие посты была сильнее, а потому дети лишь украдкой высматривали, что же происходит на центральной площади.

Митяй поежился, застегивая куртку. Весна в этом году приходила неохотно, неспешно. Будто издевалась над людьми, дразня тусклым солнышком, но тут же полосая холодным ветром и мокрым снегом. Закончится ли она вообще, эта весна? Иллюзиями себя в Кропоткине никто не тешил, даже несмотря на юный возраст. После Толчка погода вела себя непредсказуемо, и если июль они встретят в сугробах, значит, так тому и быть...

К тому времени как Митяй добрался до единственных ворот лагеря, Напильник и Клёпа уже рассматривали новичков. Директор хмуро и внимательно, его первый помощник – с иди-

отской щербатой ухмылкой, за которой обычно не крылось ничего хорошего. Остальные, в том числе тощий Косила, пристроились за старшаками, образовав полумесяц.

Слева надрывались цепные псы, посаженные по такому случаю накоротко. Зверей, таких же ничейных и одиноких, как сами дети, малышня уже три года собирала и выхаживала, превращая в преданных союзников и сторожей.

Новеньких оказалось двое, как, впрочем, и шептались в толпе. Мальчишка лет десяти-одиннадцати, худой и измотанный долгим пешим маршем. И девочка лет шести, намертво вцепившаяся в его рукав. Беляш, косящийся на директора в ожидании новых распоряжений, торопливо запирает калитку. Сверху, дымя папиросками, за встречей наблюдала воротная стража.

– Ну что, епта, – протянул Напильник, – кем будете?

– Здравствуйте, – спокойным, хоть и дрогнувшим голосом ответил ему незнакомый мальчишка. Он не отводил глаз от автомата на плече взрослого парня. – Меня зовут Алексей, а это Даша.

– Даша, – негромко прошепелявил Клёпа, и Митяй вздрогнул, стараясь лишний раз не смотреть на улыбчивого.

В лагере слишком хорошо знали отвратительную тягу беззубого, и приветливый блеск в глазах Клёпы мог обмануть только новенького. Ничего, это ненадолго. Если пришлые задержатся в Кропоткине, они быстро научатся понимать, что к чему...

– Чего пришли? – всё тем же хозяйским тоном спросил Напильник, щепкой вычищая грязь из-под ломаного ногтя.

Еще полгода назад он бы спросил совсем иначе. Конечно, Митяй в этом был уверен, новеньких примут. Впустят, накормят, определят к делу, разместят по баракам и даже дадут новую одежду. Но еще каких-то полгода назад директор спросил бы совсем иначе...

– Мы слышали про лагерь, – честно ответил мальчик по имени Алексей.

Поклажи у него было совсем немного: полиэтиленовый мешок за спиной, да и только. Причем давно без провизии – это Митяй предположил по изможденному виду путников.

– Слышали, что тут можно найти приют. Что тут можно найти защиту.

Даша, не выпуская рукав мальчишеской куртки, постаралась спрятаться за его спину. Наверное, иначе представляла себе место, о котором так много мечтала...

– Защиту? – правильно подобранные новеньким слова заставили Напильника улыбнуться.

Он вынул из кармана армейской разгрузки пачку, набитую самокрутками. Беляш тут же оказался рядом, укрывая ладонями подожженную спичку.

– Правильно слышали. А от кого?

Директор выпустил в весенний морозный воздух клуб густого белоснежного дыма, выжидающе глядя на бледного мальчишку.

– Все говорят, – пожал тощими плечами тот. – Мы слышали, что здесь живет много детей. Сами, без взрослых или надзирателей. Тех, кому больше некуда идти. Еще вчера вечером я думал, что это брехня. Но мы продолжали идти, и...

– Упорный, епта, молодец. – Напильник кивнул, а Митяй подумал, что пришлый пацан явно не из простой семьи. Может, вообще из городских. Держится прямо, хоть и видно, что боится до обморока. – Нашпигованы?

– У меня есть чип, но он не работает. – Алексей послушно раздвинул на затылке грязные волосы, показывая отсутствие «балалайки». Затем закатал левый рукав, обнажив предплечье со шрамом от таблеточной вакцинации. – У Даши нет ничего, по возрасту не успела...

– Ладно, вытащим, – словно это должно было успокоить или обнадежить, пообещал Напильник. – А с чего вы вообще взяли, что вам тут рады?

Вопрос поставил мальчишку в тупик, и он даже ахнул, распахнув глаза. За его реакцией внимательно наблюдали десятки глаз. На губах блуждали улыбки, и кое-кто уже придумывал, в каких красках расскажет про увиденное ближайшей ночью, когда в бараках объявят отбой.

Митяй внимательно рассмотрел пришельцев. Одежда рваная и грязная, совсем не приспособленная к лесным переходам. Ботинки износились, один перемотан веревкой, чтобы не «просил каши».

Когда-то и они были такими же – оборванными, грязными, ищущими свой новый дом или всего лишь место, где можно укрыться от непогоды. Тогда, сразу после Толчка, не дойти до лагеря выпало многим. Слишком многим, которых они хоронили второпях, неумело и неглубоко. Хоронили спешно, чтобы продолжить путь.

– Я думал, здесь можно укрыться любому, – наконец ответил мальчик, совладав с собой, но в глазах заблестело, и отнюдь не от холода. – Возьмите хотя бы девочку, она не выдержит дальнейшего странствования...

– Сестра твоя? – негромко спросил Клёпа, но Напильник опередил:

– Откуда сами?

– Из Черемух, это под Туруханском. – Алексей еще держался, чтобы не заплакать, но его настроение передалось девочке, теперь поджавшей губы. – Отец был агрономом, мать в библиотеке работала. Месяц назад родители поехали на юг, поближе к Новосибирску, но на нас напали...

– Куницы, епта?

– Я не знаю... Бандиты какие-то. Всех, кто шел в караване, убили. Маму тоже... Но мне... но нам удалось бежать. – Слеза скатилась по чумазой щеке мальчишки, прочертив светлую полосу. – Почти всю зиму жили в Фарково, работали в столовой, там про Кропоткин и узнали. А к весне хозяин решил заработать и сдать нас службам по надзору, и мы сбежали.

– Сестра твоя? – повторил Клёпа, прищуриваясь, и теперь его вопрос прозвучал громче.

– Да.

Директор бросил на Беляша короткий многозначительный взгляд, и толстяк понял сразу, поспешив исполнять. Широким шагом подошел к мальчику, вздрогнувшему от неожиданности. Хлестко, но коряво ударил того по лицу. Алексея мотнуло в сторону, он чуть не упал, а Даша вскрикнула и тут же заплакала, горько и громко.

Митяй вздохнул, безразлично отворачиваясь. Посмотрел на любопытных и настороженных детей, стоявших за спинами старшаков. Крохотные лица были бледны и испуганы, словно пощечину получил каждый из них.

Таков порядок, да. Митяй точно знал, что дальше скажет директор новичкам.

– За что?.. – затравленно глядя на хозяев лагеря, мальчишка схватился за покрасневшую скулу, приготовившись увернуться от нового удара.

– Пока хватит...

Беляш, как вышколенный пес, мигом вернулся на место.

– Вы, малыши, теперь находитесь на территории исправительно-трудового лагеря имени какого-то там Кропоткина, – неторопливо, старательно выговаривая слова, ответил Напильник, читая знакомую лекцию. – А значит, епта, подчиняетесь порядкам, установленным директором лагеря, то есть моим. А я, епта, считаю, что врать очень нехорошо. За что наказываю сразу, это ясно?

– Ясно, – кивнул Алексей. – Я извиняюсь. Из Черемух только я, Дашу встретил в лесу. Я не знаю, откуда она... совсем ничего не говорит, только плачет. Я даже имя ей сам придумал...

– Молодец, епта, – похвалил Напильник, но довольства в его голосе как не было, так и не появилось.

Беляш, косясь на старшего в ожидании похвалы, переминался с ноги на ногу. Клёпа всё еще улыбался, но теперь Митяй точно знал, что творится в голове у этого страшного и непредсказуемого парня.

Старшие, старшаки, руководство лагеря. Все подростки после тринадцати, но не перешагнувшие свое семнадцатилетие. Способные управлять, принимать решения, делить, решать проблемы. И наказывать. Наказывать так, как не умели даже надсмотрщики родного детдома.

Жесткие, строящие новый мир по только им ведомым законам, не имевшим никакого фундамента. Справедливые, как считали беляши, косилы и им подобные.

Иногда Митяй задумывался, как поступил бы, попав в Кропоткин, будучи лет на пять моложе? Наверное, убежал бы. Хотя это лишь фантазии – капкан условной защищенности и крова над головой затягивал детей крепче любой удавки, уже не выпуская на свободу...

Напильник щелчком отбросил окурочек в лужу под ногами, где тот громко шикнул.

– Проживание на территории лагеря нужно оплачивать. Ты знаешь об этом, Алеша? – спросил он, поправляя на плече ремень автомата.

Лишний жест, но насколько демонстративный...

Мальчик кивнул, всё еще потирая щеку. Голодным зверьком посмотрел на Беляша.

– Но у нас ничего нет. Немного денег, но в лесу от них проку...

– У нас, епта, ни у кого ничего не было, – важно согласился директор, как будто услышал ожидаемое, а кто-то из парней на воротной вышке хохотнул. – Поэтому мы работаем. Чтобы была еда. Тепло. Крыша. Определим тебя в теплицы. Еще будешь чинить ограду лагеря, носить дрова. Летом ходить на промысел в лес. Девчонку отправим на кухню к Юльке, пусть учится готовить и шить.

Митяй, стоящий за спиной Напильника, не вытерпел – скривился. Последнее время новые дети приходили в Кропоткин совсем не часто, раз в пару месяцев. И каждого из них его старый друган по детдому встречал всё более и более... надменно, как сказали бы книги. Словно оказывал одолжение, проявляя невиданное милосердие. Словно был не пареньком, которому повезло уцелеть в хаосе Толчка, а верхолазом с богатой родословной...

Взгляд Беляша. Внимательный, запоминающий. Митяй поймал его, когда поворачивался обратно к новеньким. Толстый видел, как поморщился приятель его обожаемого вожака, он обязательно передаст ему всё в красках. Улыбнувшись, Митяй показал Беляшу обидный жест, и тот мигом сник. Вступать в драку или даже рычать в ответ *такие* не приучены вовсе...

– Это значит, что мы можем остаться? – глаза Алексея распахнулись, и Митяй почти наяву услышал лязг захлопнувшегося капкана.

– Можете, епта, – улыбнулся Напильник.

На какое-то короткое время в нем промелькнуло что-то прежнее. Озлобленное на жизнь, родителей и любых взрослых, но всё же человеческое.

– Косила, проводи гостей в квартиры. Одежку выдай, правила объясни.

Он обернулся к двум десяткам зрителей, выразительно приподнимая брови. Сдвинул вязаную шапочку на затылок, почесал лоб.

– Так... я не понял, епта?! А чего мы тут всё тремся? Занять себя нечем? Так я придумаю! Или кто-то выходной отгулял и снова на грядки хочет?

Дети, пришедшие к воротам лагеря посмотреть на пришельцев, прыснули в разные стороны, как перепуганные мыши. Несколько секунд – и на асфальтовом плацу перед въездом не осталось никого, кроме старшаков и новеньких.

О чем-то негромко переговаривались парни на вышке. Васька Косороев, чью фамилию переделали обидно, но очень давно, что-то объяснял Алексею. Даша перестала плакать, однако отпускать рукав своего спутника отказывалась категорически.

– Беляш, запиши их, – распорядился Напильник уже на ходу, направляясь к барaku, в котором жило «руководство». – В нашем Анклаве прибыло...

Митяй, посматривая на низкое косматое небо, побрел следом, перешагивая лужи и пятна недотаявшего снега. Уже на пороге барака он остановился, обернувшись к воротам. Там, не спуская взгляда с удалявшихся к кухне новичков, застыл Клёпа. Он улыбался.

CREDITUM II

Ублюдков оказалось трое, как он и вычислил по голосам. Трое взрослых существ, не имеющих права называться людьми, сидящих вокруг костра и ложками выскребающих консервные банки. А еще женщина. Почти труп, но пока живая, постанывающая и что-то бормочущая в предсмертном бреду.

Нужно было уходить, бесшумно и осторожно, как он умел. Это подтвердила бы и Колокольчик, выйди она сейчас на связь. Это декларировали выданные заказчиком инструкции. Об этом напоминал скиталец, отставший всего на день, а может, и меньше. Об этом же нашептывала интуиция, которой он уже давно привык доверять.

Избегать встреч с местным населением, как можно скорее продвигаясь к цели, было приоритетной задачей. Жертвовать которой допустимо лишь в случае смертельной опасности исполнителя.

Но, прислушиваясь, как железные ложки скребут железные доньшки, а в стороне негромко стонет пленница, он уже точно знал, что не уйдет...

Сделает всё быстро, четко, без последствий. Тратить ли патроны, вот вопрос? Наверное, если бить наверняка, можно и потратить... Атака «в ножи» вызовет гораздо больше возни, да и исход схватки не столь предсказуем.

Без лишних движений Вебер вынул из нагрудного кармана крохотное зеркальце со специальным противобликовым покрытием. Выставил из укрытия руку, внимательно изучил размещившийся в ложбинке лагерь. По всему выходило, что жили нелюди именно тут – об этом говорил крепкий шалаш-землянка, способный укрыть от снега или дождя, россыпи пустых банок из-под жратвы, горы мусора и подобные мелочи, выдававшие постоянную стоянку.

Медленно ведя руку и стараясь запомнить всё до последнего бревна на земле, Вебер просчитывал дальнейшие действия. Ружья не составлены в общую стойку, каждый из ублюдков держит свое рядом. В осторожности им не отказать, жизнь в тайге научила... Как только один встает, даже чтобы отшвырнуть пустую упаковку из-под синтетической тушенки, он машинально прихватывает с собой обрез. Всего же стволов пять – кроме охотничьих ружей и винтовок выродки сумели вооружиться двумя полицейскими револьверами, по калибру не уступающими «дыроделам».

Сидят у костра, только что пообедали. Передают по кругу пластмассовую канистру с бурой жидкостью внутри, но на алкоголь не налегают, глотают по чуть-чуть. О чем-то негромко и добродушно подшучивают, время от времени посматривая в сторону пленницы. Тот, что выглядит младше остальных, с хохотом изрекает, что нужно успеть *кинуть* еще палку, пока метелка не *откинула* копыта... Остальные ржут, женщина у дерева стонет в забытьи.

Возможно, она вообще не придет в себя, одной ногой уже находясь там, куда не торопится никто из живых. Это Вебер умел определить и на глаз. Но колючая проволока, которой связаны охватившие ствол голые руки, всё равно не позволит ему уйти. Даже если нелюди прямо сейчас добьют свою игрушку...

Убрав зеркальце обратно в клапан на разгрузке, Илья притянул к себе оружие. Верный автоматический «Смерч», разработанный «Наукомом» для боев в горной или лесной местности, лег в руку. Прикрыв ладонью переключатель, Вебер аккуратно снял автомат с предохранителя, выставил на одиночные.

Как же хотелось выйти! Как же ему хотелось выйти прямо туда, к костру, в полный рост, чтобы у нелюдей отвисли челюсти. А потом в упор, прямо в небритые чумазные рожи расстрелять всех троих. Чтобы испачкали штаны, не успев дотянуться до своих стволов или хоть что-то возразить. Чтобы последнее, что запомнили перед кончиной, было его лицо...

Илья тонко улыбнулся собственным мыслям. Он мог сколько угодно фантазировать о возможной кинематографичности предстоящего, но всё равно знал, что действовать будет совершенно иначе.

Поглубже натянул маскировочный капюшон куртки. Одним плавным движением перекатился из-за дерева, за которым прятался, на ребро ближайшего холмика. Маневр был плавным, естественным, такой не заставит насторожиться даже дикого зверя, случайно заметившего что-то уголком глаза. А уж трех увлеченных беседой уродов...

Заняв новую позицию, наиболее удачную для обстрела, Вебер раскинул ноги, открывая резиновые крышки оптического прицела. В глухом лесу, оторванный от цивилизации на сотни и сотни километров, он предпочитал доверять механике, нежели электронике. Именно поэтому боевые очки-хамелеоны лежали в подsumке, а «балалайка» была и вовсе переведена в спящий режим. Она вообще не нужна тут, в царстве лесных духов. А заработает только в том случае, если спутник Колокольчика снова ляжет на нужный им курс, позволив провести сеанс связи.

По большому счету, в оптике большой нужды тоже не было. Дистанция допускала четкий бой без линзы, особенно такому стрелку, как Илья. Но раз уж он решил задержаться, пусть всё будет наверняка...

По привычке выбирая самого опасного, как ему казалось, из противников, Вебер поймал в прицел лохматую рыжую шевелюру. Щелкнул. Специальный ствол «Смерча» тактично приглушил выстрел, отчего оставшимся в живых показалось, что где-то в лесу хрустнула веточка.

А затем они оторопело уставились на своего старшего, во лбу которого раскрылся яркий красно-розовый цветок, и Вебер всё же наслаждался видом отвисших челюстей. Рыжий медленно завалился вбок, кулем падая с бревна, на котором сидел.

Остальным Илья, пусть и между делом, должное отдать успел – не растерялись, в панику не впали. Посрывали с плеч ружья, валясь в разные стороны прямо на стильную влажную землю. Принялись высматривать противника.

Одного из них, с неопрятной бородой и тревожным пятном болячки на щеке, Вебер *добрал* уже в полете. Когда мужик упал в надежное укрытие шалаша, пытаясь вскинуть оружие, в его груди уже булькало, расплываясь по штормовке темно-красным пятном. Нелюдь попытался что-то сказать последнему из уцелевших, но только захрипел и пустил кровь ртом.

И вот тут младший, успевший отпрыгнуть за поленницу, все-таки дал слабинку. Выставив пятизарядный карабин, он принялся стрелять наугад, вслепую, преисполненный страха и злости. Выстрелы – это плохо... Вебер pokrивился, снова прикикая к прицелу. Выстрелы может слышать скиталец, которого он очень рассчитывал всё же сбить со следа. Или такие же нелюди, как эта троица. И то и другое не устраивало Илью нисколечко.

Ухватив дрожащую руку в прицел, он отстрелил молодому пальцы, заставив выронить карабин. Тот завыл, словно угодивший в капкан звереныш, забился по земле, пытаясь зажать кровоточащие обрубки.

– Культияпки в гору, останешься жив! – рявкнул Вебер, не спеша покидать укрытие. – Быстро, я сказал, или открываю огонь на поражение!

К удивлению Ильи, последний нелюдь не окончательно спятил от боли и даже осознал, чего хотят нападавшие. Подвывая и пытаясь унять кровь вязаной шапочкой, он выкатился из-за поленницы, становясь на колени. Безумный и отчаянный взгляд блуждал по обступившему лесу, пытаясь выследить того, кто так жестоко и быстро убил его товарищей.

– Не стреляй... пожалуйста... – взмолился последний из троицы, роняя вполне неподдельные слезы. – Я не вооружен, видишь?

– Вижу.

Илья медленно поднялся из укрытия, только теперь позволив разглядеть себя. Только что на этом месте лежал замшелый камень, и тут раз – уже стоит человек с автоматом в руках.

– Где остальные? – приказным тоном начал он допрос, медленно спускаясь в ложбинку, облюбованную выродками. – Отвечай, гнида, а то на месте положу!

– Да какие остальные? – дрожь и высокие ноты, навывлет изрешетившие голос раненого, позволяли верить. – Трое нас тут, да только ты убил всех... сука... за что ты так с нами?! Палыч, Федюня... сука, за что ты нас так, а?!

Чувствуя, что мужичок вот-вот скатится в истерику, подкрепленную щедрой потерей крови, Вебер рывкнул так, что застонала даже пленница:

– Где метелку взяли, сучьи дети?! Отвечать, пока не завалил!

– Да наша она, честно, наша, – баюкая на груди изувеченную руку, забормотал раненый, – мы ее у жмыхинских еще месяц назад на патроны обменяли... Ты чо же это, сучара, за метелку нас так? Ах ты...

Илья вступил на территорию лагеря. Двигался медленно, ставя ногу уверенно и только на ровную поверхность, выжившего лесовичка с прицела не отпускал. Осматривался внимательно, настороженно, при первом признаке возможной опасности готовый прыгнуть за ближайшее дерево.

Подошел к рыжему, убитому первым. Ногой перевернул на спину, присел. Теперь не было необходимости соблюдать тишину, а вот еще один патрон «Смерча» тратить не хотелось.

Выдернув из-за пояса покойника револьвер, Вебер поднялся на ноги и повернулся к раненому. Тот еще что-то бормотал, причитал и на сто ладов клял его, убийцу безвинных, но Илье было всё равно. Он уже и не слушал. Поднял оружие, оставшийся без пальцев миглом умолк.

– Ты ж обещал... – успел сказать тот, а потом получил пулю прямо в лоб, валясь обратно за поленницу.

Отбросив револьвер в кусты, Илья еще раз осмотрелся, прислушался и даже жадно втянул воздух носом. Только после этого повесил автомат на плечо, осмелившись взглянуть на женщину.

Несмотря на морозную, еще совсем не весеннюю погоду, она была голой. Лет пятидесяти, может, даже больше, следы побоев и истощения не позволяли точнее установить возраст. В затылке пустой разъем от «балалайки». Илья приблизился, не спеша освободить пленницу, чтобы не навредить лишней опекой. Судя по дыханию, у женщины сломаны ребра, да и «колючка», сковывающая запястья, просто так не снимется...

Одним глазом наблюдая за лесом, Вебер снял с пояса специальный блок из нержавеющей стали. Пощелкал, трансформируя универсальный инструмент в кусачки, осторожно перерубил проволоку в нескольких местах. Женщина застонала, но в себя так и не пришла, продолжая оставаться в забытии. Будто игнорируя холод, она даже не тряслась на морозном апрельском ветерке. Освободив опухшие руки, Илья аккуратно, как только смог, отцепил пленницу от дерева. Подхватил почти невесомое тело на руки, укладывая на скамейку, сколоченную из пары бревен. Нашел в шалаше-землянке несколько пледов, каких-то драных одеял, укрыл изувеченное тело, попробовал напоить из фляги.

Вздыхнул, отходя на пару шагов. С неожиданным интересом уставился на затылок нелюдя, пристреленного вторым. Помня о пятне на щеке убитого, он палкой брезгливо перевернул на животы остальные трупы, многозначительно хмыкнув.

Из затылочных разъемов насмешками над прошлой жизнью свисали своеобразные украшения. В одном случае «балалайка» была настоящей, только сломанной и с вкрученным прямо в чип колечком, за которое цеплялся беличий хвостик. В двух других ее заменили пластиковой заглушкой, привесив пустую ружейную гильзу и медвежий коготь.

Вебер вернулся к умирающей женщине, раздумывая, что об увиденном стоит сообщить Колокольчику. Они уже слышали о людях... о нелюдях, вставляющих фетиши туда, где еще четыре года назад располагался самый нужный гаджет в жизни любого человека. Но вот так,

воочию, он встретил впервые. Включив свою «балалайку», Илья даже записал находки на видео, сопроводив короткими комментариями о времени, месте и дате происходящего.

Пленница умирала, об этом говорили все признаки. Однако ускорить ее уход Вебер не мог ничем. Тратить обезболивающие, хранящиеся в его аптечке, не позволяли инструкции и здравый смысл. Других вариантов не было.

Поэтому он решил ждать. Ждать, чего бы это ни стоило, больше нескольких часов рабыня всё равно не протянет. Ждать, наплевав на приближающегося скитальца, на сеанс связи с Колокольчиком и предписания свыше. Не сумев помочь этой безымянной женщине при жизни, он хотя бы достойно проводит ее в мир густых теней...

Прислушиваясь к ее слабеющему дыханию, Илья скользнул в землянку, принявшись ворошить запасы нелюдей.

CREDITUM III

Новый день был хорош, как, впрочем, и предыдущий. Как любой из новых дней, морозных, не по-весеннему сумрачных, но всё равно щедрых, полных событий, распаивающих горизонты. Особенно перед такими уникальными людьми, как он.

Айбар Темирбаев вышел на балкон. В любимой пижаме с начесом и уютных домашних тапках, презирающих гаденький ветерок, пахший льдом и холодом. Какой бы ни была погода, нарушать сложившуюся традицию нельзя. Зачем отказывать себе в удовольствии испить чашку кофе, осматривая городок, который Султан считал своим? По праву, нужно заметить, по почти узаконенному праву. Увидят жители, что балкон на рассвете пуст, еще подумают, что заболел хозяин, лишнее это.

Облокотившись на железные перила, Айбар сделал первый глоток обжигающего горького напитка. Неплохо. Наконец-то Маруська научилась варить, не то что полгода назад, когда ему пришлось раз за разом показывать нескладной чернавке, сколько сыпать порошка, сколько наливать воды, когда бросать пряности. Чтобы искусственный заменитель стал хоть отдаленно похож на благородный напиток предков, требовалось настоящее умение, талант. Темирбаев был рад, что сумел обучить прислугу, теперь вкушая плоды громких, с криками и пощечинами, уроков.

Тайга просыпалась, ежась от утреннего озноба, высыпала на улицы, брела на работу, готовилась муравьями расползтись по размежеванным участкам. Разглядывая грохочущую под балконом почтовую повозку, запряженную двумя крепкими жеребцами, Султан попивал кофе. Пригладил черные с проседью усы, важно кивнул мужчине, поклонившемуся с противоположной стороны улочки.

С каждой минутой народ всё шустрее покидал дома и гостиницы. Показались первые «кроты», торопливо и шумно громоздящие на телеги свои инструменты. На выкупленные участки уже двинулись старатели-одиночки, открывали свои двери закусочные и прачечные.

Все они были его детьми – неразумными, крикливыми, думающими только о себе, но любимыми. Каждый вечер приходящими в «Шелковый путь», чтобы выложить за выпивку, дурь или девочек заработанные деньги, карты со свежими пометками, пушнину или полезный скарб, найденный в лесах.

Султан допил кофе. С удовольствием крякнул, ставя чашечку на блюдце, а блюдце – на балконные перила. Полной грудью вдохнув бодрящий ветер нового рассвета, вернулся в комнату, оставив дверь полуприкрытой.

Точные, как хорошие европейские часы, в дверь постучали Пружинка и Фэн Вэйань. Да, в свое время выучить их пунктуальности тоже было проблемой, особенно машиниста... Но кропотливый труд обязательно приносил свои плоды, в какой бы сфере деятельности ни искал себя Темирбаев. Принес и тут. Уже не первый год помощники Султана приходили на утреннюю планерку так точно и одновременно, что Айбар даже задумывался – а не ночуют ли мужчины вместе, только чтобы не опоздать?

Он улыбнулся. Нет, конечно, глупости всё это. Но озорное настроение способствовало обострению чувства юмора, а потому Султан улыбнулся еще шире.

Не дожидаясь ответа или приглашения, в кабинет вошли двое, молча занимая свои места перед широким письменным столом. К чему лишние формальности, когда они уже не один день идут по жизни плечом к плечу? Да, иногда хозяин Тайги и вспылить может, и накричать, и даже ударить, но зачем ждать подвоха или неприятностей, когда жизнь так хороша?

– Доброе утро, Султан, – чуть ли не в один голос поздоровались вошедшие, и Айбар кивнул в ответ. Сел в кресло, откинулся на высокую спинку.

– Добрейшее, – согласился он и важно пригладил усы, разглядывая сидящих перед собой мужчин.

Смотрел нарочито строго, но с плохо скрываемым удовольствием.

Айбар по прозвищу Султан очень ценил своих помощников. Цепных псов, преданные левую и правую «руки» – людей, корыстно, но с должным рвением помогающих ему строить свой город. Свой собственный Анклав.

Пружинка. Худосочный бритый парнишка без возраста, болезненный и сутулый. Но талантливый. И машинист, что в наши дни вообще редкость. А еще – машинист, переживший «синдиновый» голод и ломки, что еще большая редкость для их глубинки...

Наверное, звезд с неба Пружинка не срывал, настоящим гением своего дела не был, но, как говорят русские, на безрыбье и рак – рыба. Он был тем, кого Айбар приютил, защитил, приблизил. С самого *начала*, когда планета вздрогнула, покорная Катастрофе. Именно Пружинка помог оснастить Тайгу, превращая заброшенный военный городок в настоящий оплот цивилизации. Именно он, настоящий таежный визирь, наладил выходы в сеть.

Представить только! В сеть! Это когда в Новосибирске-то половина оборудования до сих пор лежит, а многие предпочитают пользоваться рациями, а не возможностями «балалаек». А он смог – тут, в глухих лесах, куда и в мирное-то время здравомыслящие люди предпочитали не соваться. Настроил антенны, откалибровал «тарелки», нацелил на функционирующие спутники, запустил собственные рабочие станции и системы связи, действующие сканеры и даже несколько наноскопов. Подарил хозяину открытый доступ в покачнувшийся мир Цифры, вот так работник!

Конечно, оборудование в Тайге стояло старенькое, в основном списанное или краденое, но оно работало, и это главное. Помогало управлять. Помогало строить новый мир. Те, кто до злополучного августа личной «балалайки» не имел, а «таблетку» извлечь из тела почему-то не решился, разом попадали в собственную базу данных Султана, даже не подозревая об этом...

Знали об этом, конечно, немногие. Только ближайшие приближенные Темирбаева и сотрудники СБА, чья затылочная электроника была оснащена боевыми программами. Еще оптимисты, которым хватило ума после беспредела тритонов не выбросить свой взломанный чип за ненадобностью, да редкие приезжие из крупных сибирских городов.

Айбара такое положение дел устраивало более чем. Он с юных лет не относился к числу людей, полагающих, что безграничные знания должны быть собственностью народа. А потому искренне почитал века старины, когда информация являлась инструментом могущественной власти и контроля, который легко может разрушить грубая рука крестьянина.

Эпоха свободной Цифры для всех? Полное отсутствие кордонов и запретов? Глупости! Бред безумца, в итоге вызвавший гибель современного общества! Вдосталь наелись своей свободой, дети шакала?! Информация должна быть опечатана, промаркирована и надежно спрятана, выдаваясь подданным порционно и после тщательного отбора.

Наверное, именно поэтому Султан так не любил тритонов, последние из которых изредка, но заплывали в его омут. Не любил и безжалостно уничтожал, едва стража Тайги доносила ему о появлении одного из последователей Сорок Два. Для таких, как эти вредоносные бактерии, чуть не уничтожившие планету, Султан даже жалел места на кладбище. Трупы уничтожал одним из самых древних способов – скармливал обитателям свинофермы...

Вторым его помощником был Фэн, широкоплечий поднебесник, преданный раб и безмолвная машина для решения щекотливых вопросов. Он же возглавлял личную армию Султана, которую тот без лишней скромности величал СБА.

Коротко стриженный на лбу и висках, но с узкой косой до пояса, китаец был похож на головореза, каковым и являлся. Левый глаз Вэйяня был полностью скрыт белесой катарактой, дополняя и без того грозный вид. И пусть врачи Тайги давно могли исправить дефект, Фэн

не хотел. Ометина служила ему напоминанием, самым крепким поводком, на котором его держал хозяин.

Он и сам по себе был надежным смертоносным оружием, а уж когда выходил на дело в окружении полудюжины гвардейцев... Айбар улыбнулся, снова провел пальцами по усам. Пусть другие думают, что китайцы преданы лишь себе, заботясь только о процветании Председателя. Те, кто считает так, не знает, на какие рычаги нужно надавить, чтобы сделать любого, в том числе и поднебесника, самым надежным человеком на планете.

– Рассказывайте, – приказал Темирбаев, лениво почесывая грудь под расстегнутой пижамой.

Первым начал Пружинка:

– Особых новостей нет, Султан. В столице запустили еще один гидрогенератор ГЭС. Под Ачинском казаки разгромили многочисленный отряд Куниц. Синоптики предсказывают скорое потепление. В целом это всё, достойное внимания...

Вообще-то Айбар мог бы просмотреть новостные ленты и сам, благо его «балалайка» была одной из самых современных во всей Тайге. Но по-прежнему предпочитал узнавать новости из уст машиниста, лишний раз подчеркивая свой статус.

– Сходи к печатникам, – распорядился он после короткого размышления. – Пусть опубликуют новости про ГЭС, про Куниц не говори. Пусть еще раз повторят, как благотворно восстановление электростанции повлияет на укрепление позиций Сибирской Республики, которая скоро окажет нашему поселению знаки внимания, достойные его положения... ну или как-то иначе, пусть сами разберутся, они умеют.

Единственную газету, выпускавшуюся под патронажем Султана, раскупали быстрее, чем пирожки со свиными потрохами, которыми хозяин Тайги потчевал жителей через пяток закусок. Тираж составлял всего 400 экземпляров, но увеличивать его никто не собирался. Пусть зачитывают до дыр, передавая из рук в руки...

Вот оно – настоящее богатство, настоящая власть. Привыкшие к тому, что узнают обо всем на свете одним движением глазного яблока, после Катастрофы люди впали в кататонию. Информационный голод, охвативший их, привыкших считать себя всемогущими, был настолько лют, что и местные, и пришлые с одинаковым аппетитом кушали всё, что печатал на своих страницах Темирбаев.

Ах, как славно Султан в свое время придумал с газетой, восстановив древние печатные станки, обнаруженные в брошенном поселке!

– Что у тебя? – он кивнул Фэну, давая разрешение заговорить.

– Новости две, – на североминьском диалекте ответил ему поднебесник, но «балалайка» Султана перевела почти без задержки. – Кажется, Ромашенко что-то нашел. Не могу сказать точно, «чернуху» или гелий, но он сворачивает экспедицию и собирается на юг...

Пружинка повел носом, закатил глаза, но промолчал. Его раздражало, что даже в присутствии самых преданных соратников головорез предпочитал принципиально говорить с боссом на родном языке. Но установить редкий переводчик без дозволения Султана машинист не решался, а потому лишь тихонько ворчал. Ответов хозяина, хоть и с трудом, но хватало, чтобы окончательно не потерять нить беседы.

– Вот как? – бровь Темирбаева изогнулась, он задумчиво куснул губу. – Купить результаты ты пытался?

– Пытался, хозяин, но старик стоит на своем. – Фэн сопроводил ответ коротким кивком. – Вообще не хочет ничего говорить, но Глиста разнюхал. Уверен, что они что-то откопали. Мы будем действовать?

Султан задумался. Если Ромашенко и его люди действительно что-то нашли, рискнуть стоило. Но если нет, он угробит очередную экспедицию просто так, невольно подмочив репутацию города, в котором «кроты» защищены от любых нападений.

Айбар раздумывал пару минут, после чего мягко опустил руки на стол перед собой.

– Хорошо, действуй. Сделай так, словно на них напали Куницы. Километров сто от Анклава, не меньше, ясно? Лишних не убивай. Пусть люди разбегутся по лесу, а ты поймаешь только самых нужных и завладеешь обозом. Я пока начну прощупывать почву относительно покупки его участка.

– Хорошо, хозяин.

– Ты сказал, новости две?

Хрустнув суставами, Султан встал из кресла, покинул кабинет. Двухкомнатная квартира, которую он занимал, не имела внутренних дверей, поэтому Айбар хорошо видел спины сидящих за его рабочим столом.

– Да, хозяин. – Помощники были привычны, что Султан ведет дела на ходу, а потому даже не изменили поз. Продолжали вести себя так, словно Темирбаев по-прежнему находился перед ними. – Ночью в город прибыли новенькие.

– Кто?

– Экспедиция. Оснащена неплохо, приехали на собственных лошадях, восемь человек. Остановились в «Добытчике» у Арсена. Вряд ли это федеральные разведчики, по виду русские. Есть вооруженные, но на корпоративных бойцов тоже не похожи...

– Если вы про тех, кто приехал среди ночи, то я уже пробиваю их по базам, – вклинился Пружинка, прислушиваясь к интонациям китайца. – Скорее всего обычные авантюристы. Один из них был в Тайге в начале декабря, они застолбили участок № 124.

– Про них, родимых. Летите, пчелки, летите, – улыбнулся Султан, переодеваясь. Бросил пижаму на мягкую постель, выбрал в шкафу утепленные брюки и рубаху. – Несите пыльцу... Кто еще?

– Большие люди, – ответил Вэйань, невольно раскroшив улыбку на лице хозяина. – Два внедорожника на бензине, шесть человек сопровождения, стволы хорошие, все с «балалайками», мои парни успели просветить их на въезде. Старший сразу прошел в номер, пока не высовывался...

– Остановились в «Люксе»? – Темирбаев хмурился всё сильнее.

– Да, хозяин. Сразу видно, что это серьезный человек.

Неужели? Неужели в потенциал региона наконец-то поверили и корпорации? Послали своего человека прощупать почву? Москвичи? Эмиссар верхолаза? Султан замер, не заметив, что тербит последнюю не застегнутую пуговицу рубахи.

За годы существования Тайги как центральной перевалочной базы «кротов» в городок приезжало много солидных господ. И каждый раз, когда он узнавал об их визите, сердце Темирбаева замирало.

Нет, он совершенно не боялся, что Республика попытается прижать его к ногтю. Не боялся шпионов-поднебесников, ОКР или резидентов других стран. А вот если в его Анклав пожаловали гости из настоящего Анклава... Значит, он выиграл джекпот. Сорвал куш. Взял банк. Потому что, когда корпорации бросят средства на разведку «чернухи», им точно понадобится человек, обладающий связями, знаниями и положением. А уж этого добра за три года Султан скопил немало...

– Покажи, – приказал Темирбаев, возвращаясь в кабинет.

Вэйань послушно придвинул лежащий на углу стола коммуникатор, отбросил на плечо иссиня-черную косу, подключил к «балалайке» психопривод. Задержав дыхание, Айбар уставился на небольшой экран, сбоку заглянул Пружинка.

Телохранитель лично наблюдал за прибывшими. Съёмку вел с крыши одноэтажного барака, где ютился персонал свинофермы и другой рабочий люд, приносящий прибыль хозяину. Когда два угольно-черных автомобиля припарковались возле лучшей из двух гостиниц Тайги, изображение надвинулось. Молодец, Фэн, предусмотрительный малый.

Действовали пришлые уверенно и четко. Не выключая моторов, выгрузились из машин, взяв транспорты в оцепление. В руках виднелись «дрели», которые бойцы совершенно не скрывали. Осматривались без спешки, с наигранной ленцой, но Султан точно знал, что боевые «балалайки» настроены на режим внезапной атаки.

Из второй машины выскользнул мужчина – худой, высокий, светловолосый, одетый в дорогой синий костюм. Наверняка пуленепробиваемый... Голову мужчина держал низко опущенной, лица почти не открывал. Показавшись в кадре всего на пару секунд, тут же исчез в дверях гостиницы, сопровождаемый большей половиной охранной группы. Двое «телков» вернулись в джипы, отгоняя их с улицы на задний двор «Люкса».

– Это всё, – отчитался Вэйань, выключая психопривод.

– Идите работать, – сухо бросил Султан, и помощники сразу поднялись на ноги. – Фэн, я хочу знать о передвижениях этого человека всё. Что он будет кушать на завтрак, куда пойдет и с кем заведет беседу. Это ясно?

– Да, хозяин.

Помощники удалились, а Айбар снова прошел в спальню. Прямо через голову стянул с себя повседневную рубашу, швырнул поверх пижамы. Придирчиво осмотрев гардероб, вынул из шкафа не новый, но еще вполне приличный костюм и галстук. Застегивая пуговицы, Султан с неодобрением заметил, что у него подрагивают кончики пальцев.

CREDITUM IV

Мир жесток, это Митяй знал точно. Испытал на собственной шкуре: впитал, познал, принял. Он жесток с первых минут твоего существования, с первого шлепка санитаря, заставляющего кричать истошно и надрывно. С первых дней пребывания в детском доме, с первых уроков в так называемой школе-интернате, с первых метких и болезненных ударов надзирателей и учителей. С первых драк со сверстниками и старшими мальчишками, с первой кражи и первого наказания в карцере.

Он был жесток к нему, Димке Пологову, все двенадцать лет до Толчка, еще до того, как он навсегда стал Митяем. И почти ничего не изменилось, когда наступило «потом». Когда мир вздрогнул, слетев с катушек, для бывшего Дмитрия Пологова не изменилось ничего.

Едва всё полетело в тартарары, он тоже полетел. В прямом смысле этого слова. В автобусе, наполненном такими же, как он сам, детдомовцами, обалдевшими от страха. Орущими и прыгающими по салону, как блохи в стеклянной банке. Он полетел с обрыва, в кювет, сквозь стволы крепких сибирских сосен, ломавшихся под тяжестью машины.

Свой первый день «после» Митяй помнил отчетливо, как вчерашний, хотя прошло уже больше трех лет. Помнил ярко и до последней мелочи. А если вдруг начинал забывать, происходящее являлось к нему во сне. Заставляло просыпаться в поту, сминая простыни и комкая одеяло.

Трасса. Отрог Енисейского кряжа. Длинный автобус, наполненный детьми – старшие у выхода, мелкотня в хвосте. Надзиратели, отгороженные от пассажиров железной сеткой. Они негромко, скорее по привычке, подкалывают интернатовских черенков, и делают это вяло, сонно, почти беззлобно. За бортом августовская жара, нагревающая салон, будто нутро духовки.

А потом удар, словно кто-то огромный пнул земной шарик, как футбольный мяч. И ужас, рванувшийся из глубинных тайников души, о которых и не подозревал.

Такого страха Митяй прежде не испытывал никогда. Он не был похож на леденящую сосредоточенность, когда идешь на противника с ржавой заточкой. Не был похож на томительное замирание, когда надзиратель проходит в трех шагах от куста, в котором укрылись малолетние хулиганы, стащившие с кухни ведро картошки.

Это было похоже на смерть, мгновенную и очень болезненную. Но костлявая малость не дотянулась...

Когда Митяй осознал, что всё еще жив, они были на дне, а рядом до хрипоты вопил оглушенный Напильник. Потом, уже снизу, было заметно, что асфальт трассы лопнул, будто картон, отшвырнув автобус с обрыва. Что часть насыпи превратилась в курган, когда на нее сполз обломок скалы. Что им повезло чудом, если чудеса вообще бывают...

Из пятидесяти шести детей, перевозимых в автобусе, выжило двадцать восемь. Из трех надсмотрщиков – никто. Когда пассажиры постарше, вылезавшие из-под коряженных обломков и помогавшие выбраться малолеткам, осознали это, многие начали ликовать. Кричать, радоваться и даже плевать на трупы ненавистных тюремщиков.

Митяй сидел в сторонке, бинтуя разодранную ногу какому-то восьмилетнему мальчишке. Он уже тогда понимал, что это не настоящая радость – это истерика. Это припадок, вызванный шоком, страхом и неожиданным осознанием того, что они-то выжили. Но буйствовать не мешал, не его дело...

Раненых перевязывали, как могли, аптечка опустела мгновенно. За последующие пять часов умерли еще трое уцелевших, но переломанных. Умерли, потому что помощь задерживалась. Мелкие плакали беспрерывно, старшие беспрерывно курили сигареты, найденные в карманах надзирателей. Рация была разбита, но все до последнего верили, что за ними пришлют

помощь. Многие даже задирали рукава, поднимая к небу предплечья – чтобы спутнику было удобнее засечь сигнал «пилюли»...

Это позже, намного позже они узнали, что в стране произошел Толчок – невиданной силы катастрофа, эпицентр которой располагался где-то под столицей. Что подземными ударами смело почти весь Кузбасс, затопило половину Новосибирска и сровняло Алтай, что рванула атомная станция в Северске. Что за ними никто, совсем никто не собирался приезжать.

Решение, это Димка тоже помнил хорошо, принял Напильник. Наверное, потому он и стал главным, хотя в группе были парни и крупнее, и гораздо сильнее его. Но побеждает умнейший, и именно Напильник раздал найденные в автобусе ружья и патроны, собрал всё, что могло пригодиться им в походе, приказал идти за ним.

За ним тронулись молча, словно так и следовало. Трупы оставили прямо в искуроченном железном гробу – подростки верили, что не сегодня-завтра сюда придут машины интерната и сделают всё... сделают всё правильно, похоронив тех, кто погиб в аварии.

Уже потом, в Кропоткине, старший кореш Митяя признался, что не планировал их действия так далеко. Просто хотел уйти. Сбежать, уберечь себя и его как единственного друга. Оставить прежнюю жизнь за спиной, ибо до путевки на фабрику обоим осталось всего ничего, несколько лет. А остальные... Напильник, епта, попросту считал, что они помогут ему выжить... Выходит, епта, что спас.

Конечно, было тяжело. Особенно сначала, когда шли по летней тайге наугад, даже не представляя, куда. Когда несли раненых и успокаивали истеряющих малышей. Когда ночевали в старом зимовье, где нашлись хоть какие-то припасы. Когда старым охотничьим ножом под рев детей вырезали из предплечий чипы – простые и дешевые аналоги «таблеток», с недавних пор распространенных в Анклавах. Когда посылали разведку, а потом с опустошением в сердцах выслушивали неправдоподобные рассказы о том, что «всё кончилось». Что на Земле наступил Ад.

Дальнейшее, в отличие от того – самого первого – дня, Митяй мог бы пересказать лишь смутно, обрывками, будто спешил запомнить. Как Напильник подавлял панику и первые бунты, как добывали еду, как хоронили еще одного раненого, не дожившего до следующего утра.

Всё это было словно в густом тумане. Первая охота, первая вылазка в деревню, где дети наворовали куриных яиц. И первое ощущение, что они никому не нужны. Совсем никому, даже ненавистным чиновникам, отправляющим совершеннолетних работать на производства. Казалось, о существовании пяти десятков детдомовского отребья элементарно забыли. И тогда поток свободы ударил в голову. Крепче, чем стакан самогона, что они с Напильником в свое время сцедили из бутылки сторожа.

Вокруг рушился мир, пытаясь удержать равновесие, а они прятались по лесным норам, постепенно привыкая к осознанию того, что теперь лично распоряжаются своей судьбой. Еще одного раненого мальчишку пришлось бросить – был совсем плох, а помочь ему беглецы ничем не могли. Оставили на краю безымянной деревни, так ничего и не узнав о дальнейшей участи...

Уже потом они нашли брошенную базу, в которой когда-то располагался исправительный лагерь. Уже потом к ним стали прибиваться новенькие, такие же бесхозные и брошенные, как сами они. Оставшиеся без родителей или проданные матерями в интернаты, озлобленные, сражающиеся за выживание. Но упорные, злые и готовые на всё...

– А правда, что директор хочет нас всех отсюда увести?

Вопрос вырвал Митяя из плена воспоминаний, и он даже вздрогнул – так неожиданно подкрался шельмец. Стоял сейчас в паре шагов, такой нелепый в куртке не по размеру, но зато в новых целых башмаках.

– Чего?

– Я спросил, правда ли, что директор... Напильник, то есть, хочет увести всех детей на запад? – Алексей уже немного освоился в лагере, о чем свидетельствовал свежий фингал под левым глазом. – Что хочет собрать всех, кому плохо, а потом увести всех в сторону Питера, где Дыра?

Опять двадцать пять. Слух, распускаемый малолетками уже примерно полтора года, стал неотъемлемой частью местного фольклора, из уст в уста передаваемого среди кропоткинцев. Митяй покачал головой, в который раз поражаясь живучести сплетен.

– Ты почему не на работе? – вместо ответа поинтересовался он. – Если Беляш увидит, влетит потом...

– Мы закончили уже сегодня, – с достоинством ответил Алексей. – Ребята пошли в баню, а я решил сначала к сестре... к Даше то есть. Она на кухне.

– Знаю. – Митяй кивнул, поглядев на небо.

Разнежившись под редким весенним солнцем, он почти задремал, даже не заметив, что скамейка уже давно оказалась в тени. Из рта опять шел пар, морозец начинал пощипывать мочки ушей. Нужно идти во второй барак, пора... Отвечая за охоту, Митяй обязан проконтролировать улов, с которым должны вернуться посланные на промысел парни.

Охотиться, как и многому другому, они учились на ошибках, хоть и выручало большое количество деревенских, знавших дикие леса с малых лет. Сначала изредка, затем всё чаще, стол коммуны принялся баловать свежим мясом. Еще, конечно, были свиньи, которых выращивали в бывшем спортзале, но резали зверушек редко, только по праздникам, вроде Нового года.

– Ты иди мойся, Леша.

Все-таки вспомнив, как зовут новенького, Митяй встал. Мальчишка был симпатичен ему, воспитанный и сдержанный, немного не похожий на простых, если не сказать – туповатых, обитателей Кропоткина.

Он зашагал прочь. Не оборачиваясь, но зная, что Алексей всё еще стоит на месте, глядя в его спину.

Охотники, и правда, вернулись, причем только что, и даже послали гонца за старшаком. Поймав посыльного прямо в дверях склада, Митяй вместе с ним спустился в прохладный подвал барака. Именно тут кропоткинцы хранили небогатые запасы мяса, именно сюда несли туши убитых животных.

– О, Митяй! – услышал он довольного Хирурга. – Прикинь, всё вышло, как ты и сказал! Точно в указанных местах. И сразу двое!

Хирург доволен, это было заметно и по голосу, и по счастливой улыбке, так редко появлявшейся на его прыщавом лице. С помощью двух парней помладше он затаскивал мертвую олениху на разделочный верстак, покрытый бурыми разводами.

Отлично. Митяй придирчиво осмотрел добычу – две туши молодых зверей, попавших в его ловушки и добитых стрелами кропоткинцев. Сам он на охоту уже давно не ходил, не по статусу. В коммуне теперь хватало крепких подростков, способных выполнять приказы. Но, благодаря интуиции и необъяснимому чутью, продолжал перед каждым рейдом наставлять охотничью бригаду, объясняя, где и как ловить.

– Замеряли уже? – больше для порядка поинтересовался он, склонив голову.

– Обижаешь, е... оно колом! – Хирург кивнул на старенький счетчик, лежавший поверх разделочных инструментов. – Всё в норме, можно жрать.

И расхохотался, оттопырив оба больших пальца.

Хирург, единственный врач их растущего лагеря. Так и не закончивший медицинское училище, угодивший в колонию для несовершеннолетних, но всё равно обладавший самым большим запасом лекарственных знаний. С одинаковым умением и равнодушием свежую тушу звериные туши, вырезающий аппендициты и вшитые под детскую кожу «пилюли» федералов.

– Патроны тратили? – Митяй осмотрел сваленное на соседний верстак оружие.

– Нет, Митяй, стрелами обошлись, – ответил крепкий пацан, выглядевший явно старше своих четырнадцати лет. Имя его никак не вспоминалось, да и не было желания голову ломать. – Вот...

Он протянул старшаку открытую картонную коробку, в которой болтался пяток охотничьих патронов. Митяй забрал, удовлетворенно кивнул. Когда на счету каждый выстрел, эффективнее добывать дичь копьями, капканами и самодельными арбалетами. Патроны пригодятся, если к лагерю опять подступят Куницы или другие отморозки, позарившиеся на запасы Кропоткина или девочек.

Наспех осмотрев оружие, Митяй взвалил связку на плечо – два копья, арбалет, колчан и старенькая двустволка, найденная у погибшего в волчьей яме охотника. Конечно, кроме этого в арсенале лагеря было и кое-что посерьезнее. Например, автоматические винтовки, но их ответственный за боеприпасы на охоту не выдавал.

– Я загляну на кухню, – пообещал он Хирургу, уже повязывавшему на шее кожаный фартук.

– Ага, – рассеянно отмахнулся тот, приступая к разделке.

На плацу темнело всё быстрее, а потому главную площадь лагеря Митяй пересек уже в наступавших сумерках. Личным ключом вскрыл склад, служивший арсеналом, расставил оружие вдоль стен, убрал патроны на полку. Взглянул на одну из винтовок, поблескивавшую смазкой в углу.

В отличие от многих других единиц арсенала, эти пушки они добыли без труда. Можно сказать, повезло, как и с двустволкой. Двое федеральных солдатиков, что дезертировали в тайгу сразу после Толчка, не справились с ее гнетом. Оказались слабее детей, вышвырнутых на обочину жизни.

Митяй вспомнил, как мальчишки нашли их стоянку во время очередной вылазки в лес. Потухший костер, возле которого лежали два тела с аккуратными дырками в висках. Он до сих пор не мог понять, как двое вооруженных и отлично экипированных мужчин могли пойти на групповое самоубийство. Ну да, пайки закончились, на много километров вокруг ни души, компасы сошли с ума, не говоря уже о боевых «балалайках» или других военных имплантатах. Но чтобы вот так сдаваться?

Однако тогда, три с половиной года назад, Митяй был находке только рад – растущему сообществу достались винтовки, два пистолета, четыре гранаты, отличные ножи, боеприпасы, одежда, рации и еще кое-какой полезный армейский хлам. Сейчас большинство этого богатства находилось на стенах, где несли круглосуточную вахту дозорные Напильника. А уж сколько раз оружие выручало детский лагерь от непрошенных гостей...

Он вышел из арсенала, надежно запер дверь. Направился к кухне, пряча озябшие руки в карманах куртки.

Плац был пуст, как обычно по вечерам. Обитатели лагеря разбредались по баракам в четко условленное время, шастать без дела не разрешалось никому, особенно ночью. Причина была даже не в историях про дикое и изувеченное радиацией зверье, изредка проникающее за периметр, – она была в приказах директора. Просто он так хотел. Считал, что так правильно, и Митяй его за это не судил. Не его это дело...

Подбежал Лорд, здоровенная псина неизвестной породы, старшак среди живущей в лагере стаи. Приветливо помахал обрубок хвоста, поластился, получил запасенную корочку. Погладив собаку по грубой пыльной шерсти, Митяй пошел дальше.

У крыльца кухонного блока, в котором еще горел свет, а девчонки перемывали посуду с общего ужина, Митяй снова встретил Лёшку. Тот, подперев руками подбородок, сидел на ступеньках. Сидел неподвижно, глубоко задумавшись, едва попадая в кружок света, что бросала сверху маломощная лампа.

– Ты чего здесь? – недовольно поинтересовался Митяй. – Ужин и баню пропустил, как вижу. Шел бы в барак, уже и собак спустили.

– Да ладно, баня... – сонно ответил мальчишка, глядя перед собой. – Ты только не ругайся, ладно? Дашку вот дождусь и сразу в барак. Я Игореху попросил, он мне каши отложит, голодный не останусь.

– А где Дашка твоя? – Митяй уже взошел на крыльцо, ухватился за дверную ручку.

– По делам ушла, сказали...

– Ну, мерзни-мерзни, волчий хвост. – Поведя плечом, Митяй вошел в кухню, сразу угодив в царство тепла и самых разных запахов.

– Оспида, Митяй! – переполошилась Юлька, торопливо вытирая пухлые руки о фартук. – Ты чего это к нам?

Самая старшая девочка в лагере, почти восемнадцать лет, а при ее увесистой комплекции и вовсе тянет на взрослую женщину. Бойкая, резкая, настоящая деревенская бой-баба. Говорят, в свое время даже нашла в себе смелость отказать Напильнику. Цела, мол, осталась только потому, что умеет из топора кашу сварить да бригаде своей девчачьей спуску не дает, командовать умеет.

– Случилось что или как?... Ты шел бы в корпус, мы сейчас вам ужин принесем...

– Нет, не случилось, Юль, не переживай. Парни вернулись, добыча хорошая в этот раз... Ты бы послала кого-то из своих! Чтобы помогли... ну, и сразу в дело...

– Оспида, я-то уж перепугалась... Ну, конечно, конечно. Машка, Маринка, ну-ка в подвал бегом!

Митяй неуверенно переминался у порога.

Общаться с девчонками ему было неловко, даже несмотря на свое положение старшака, сказывался опыт проживания в однополном интернате. Стыдно кому признаться, но он еще даже не спал ни с одной, хотя имел на это все моральные права. Другие старшие подшучивали, но беззлобно, чтобы не нарваться на кулак. А Напильник только удивлялся, настоятельно советуя корешу как можно скорее «сделать кого-то из лагерных девок».

Он осмотрел кухню. Девочки, одни девочки, от семи лет до пятнадцати, все чем-то заняты. Как и говорил Алексей, молчаливой Дашки нет.

– На вот, полакомься. – Юлька сунула ему кусок хлеба, присыпанный искусственным сахаром. – И давай, иди себе, неча на девок моих пялиться.

Девчонки постарше, хорошо знающие о стеснительности Митяя, заулыбались, зашептались. Более мелкие, оттирающие тарелки в едва подогретой воде, бездумно подхватили заряд веселья, разглядывая стоящего в двери необычного старшака.

– Спасибо... – Митяй выскользнул наружу, чуть не споткнувшись о сидящего на ступенях Алексея. – Ты опять? Сказал же, мотай в барак, пока Лорд жопу не откусил! И на вот, поешь.

Он протянул Лёшке дареный кусок лакомства, и тот благодарно схватил, впился зубами, ладошкой подхватывая сыплющиеся белые крупинки.

– Да я скоро, сейчас Дашка придет, и мы пойдем... – мальчишка жевал, а потому говорил неразборчиво, смешно. – О, да вот она!

Вскочил, шурясь в полумрак, торопливо завернул половину краюхи в тряпку, спрятал в карман. Митяй повернулся в указанную сторону. И стиснул челюсти.

Из-за ближайшего корпуса к ним шла Даша, больше похожая на сорванный с ветки осенний листок, чем на живую девочку. А за ней, беззубо улыбаясь, вышагивал Клёпа, сопровождавший малолетку обратно к кухне.

– Значит, по делам ее вызвали, говоришь?

Алексей, конечно, ничего не понял. Поспешил к названной сестренке, опасливо косясь на старшего. Начал что-то рассказывать девчонке, попробовал взять за руку. Та дернулась, как

дикий зверек, и, не мигая, отрешенно уставилась на носки потертых туфель. Казалось, готова плакать... только больше не может.

Убедившись, что девочка добралась до кухни, Клёпа двинулся прочь. Расслабленно, лениво, как нажравшийся вкусного кот. На Митяя взглянул таинственно, с неизменной улыбкой, словно знал что-то интересное, но доступное далеко не всем.

Чувствуя, как стучит в висках, Митяй шагнул с крыльца следом.

– Клёпа?

– Чо тебе?

– Стой, поговорить надо...

CREDITUM V

Айбар Темирбаев не был верующим. Точнее сказать, перестал им быть когда-то давно, так и не обретя веру вновь. Да, в далеком детстве были строгий отец и еще более строгий дед, заставляющие мальчишку пять раз в день гнуть спину в сторону Аль-Харама. Но это было давно, задолго до того, как будущий Султан убедился, что Бога нет.

Нет никого и ничего, способного помочь ему жить, выживать и добиваться своего. Нет никого, способного услышать молитвы, прийти на выручку, хоть чуточку изменить ход вещей. Скрывая это от своей родни, он перестал верить и в Аллаха, и в какого-то другого Бога, будь то Иисус Лоа или Будда. И чем старше становился Айбар, тем искреннее верил, что древние книги, такие как Коран или Библия, попросту устарели. Морально, физически, нравственно.

Наверное, когда-то они помогали людям удерживать равновесие. Помогали не упасть, а то и укрепить целым народам. Показывали, как можно выжить, и заставляли навеки запомнить свод этических норм, удерживающих человека от превращения в зверя.

Затем что-то изменилось, и на смену старым книгам пришли новые. Ради любопытства Айбар изучил и их, заглянув даже в писанину Эммануэли Нейк, вновь не найдя ничего, способного помочь ему на жизненном пути. Верь, молись, сражайся, надейся на чудо и жди, когда тебя изберут для проживания где-то там, на условных небесах...

Покинув отчий дом и окунувшись в мир политики, молодой секретарь Думы Кемеровского уезда Айбар Темирбаев уже не скрывал, что является атеистом. С сочувствием смотрел репортажи из Мекки, выступления высших священнослужителей Католического Вуду, проповеди епископов отечественного розлива. На любых банкетах и вечеринках обличал Анклавы, являвшиеся рассадниками культов и новорожденных религий, за которыми ничего не стоит. Порицал, громил и логически опровергал. Охотно вступал в самые сложные теологические споры, справедливо считая, что они помогают ему прослыть умным и эрудированным юношей. Юношей, у которого есть будущее.

И однажды, почти шестнадцать лет назад, это действительно позволило ему сделать шаг, превратившись из помощника уездного чиновника в матерого сома глубоководных политических игр.

Даже когда всё закончилось, чтобы начаться с чистого листа, Айбар не дрогнул душой. Не побежал, как многие, в падающие храмы, в последней попытке купить индульгенцию... Даже после того, как на Кольском полуострове жажнуло, таким сильным и уверенным людям, как он, не понадобились духовные костыли и религиозный допинг. Тогда, долгими осенними днями перебирая трофеи, привезенные в пустую еще Тайгу Фэном и его бандой, он с чистой совестью и без сомнений выбрасывал всё, что имело отношение к религиозным убеждениям его жертв.

Однако один якорь, один путеводный маяк, каким для верующего является икона, у Султана всё же был, и в этом он стеснялся признаться даже Вэйаню. Сейчас, задумчиво поглядывая на старинные настенные часы, Темирбаев вдруг вспомнил об этом якоре. Непрошеное беспокойство, отчего-то охватившее его в этот день, требовало...

Айбар надежно запер дверь, отбросил покрывало с сейфа, занимавшего целый угол рабочего кабинета. Сейф был старым, запиравшимся на обычный, не электронный замок, но пережившие Катастрофу знали – так надежнее. А потому бронированный куб на маленьких гнутых ножках, способный выдержать направленный взрыв, был третьим в Тайге хранителем тайн Темирбаева. Покрутив ручки, он распахнул квадратную дверцу, заглянул внутрь.

В железных недрах обнаружилось много чего, а потому Султан принялся бережно перебирать сокровища, пока не нашел жесткий прямоугольный лист, завернутый в шелковый платок. Вынул, прикрыл створку, снял материю.

Под тканью оказался большой плакат, сложенный пополам. Старинный, очень старинный, что было заметно сразу. Еще до того, как чья-то забота спрятала бумагу под защитную пленку, на месте складки образовалась белая полоса. Этот плакат был одним из самых ценных фетишей сухого душой хозяина Тайги. Вещью из прошлого, которого уже никогда не вернуть и которое вполне может быть воссоздано снова.

Надпись о том, что Министерство экстренной помощи и чрезвычайных ситуаций предупреждает об опасностях пожаров, – по верхней части листа. Фотография – в нижней. На ней двое детей, мальчишки лет восьми-девяти, только что спасенные из пожара. Где-то на заднем фоне видны защитные комбинезоны и каски спасателей, но перед объективом только два детских лица, щедро перепачканных сажей. Дети плачут и кричат, глядя куда-то в сторону, но Темирбаев думает, что это не слезы – это роса нового дня. Как и эти двое безымянных мальчуганов, потерявших кров в круговерти событий до Катастрофы, он тоже лишился всего... Положения, накоплений, карьеры.

Но оставить разрушенное Кемерово и уйти в леса было его собственной идеей, рискованной и взвешенной в равных объемах. А потому снимок из прошлого вызывал не депрессию, решительно нет. С точки зрения Айбара, напротив, фото на плакате ярко и откровенно светилось надеждой на возрождение, скорое обновление, первый удар крыльев мифической птицы Феникс.

Они все закричали, когда мир содрогнулся. Но это был не крик предсмертной боли, это был вопль новорожденного, которому подчинится новый день...

Прислушавшись к себе и убедившись, что равновесие восстановлено, Темирбаев убрал плакат МЭПЧС обратно в сейф.

Он откровенно не уважал своего партнера по бизнесу, а потому не собирался принимать его в кабинете. Не хватало еще, чтобы прокуренным и наспиртованным Арсеном пропахло кресло или занавески на окнах.

Айбар вышел в коридор, запер за собой дверь. Неспешно, чтобы успеть настроиться на деловой лад, прогулялся до лестницы, спустился на первый этаж. Заметив хозяина, вежливо кивнул бармен, выглядывающие из комнат девочки почтительно отводили глаза.

Цепко осмотрев владения, Султан прошел через просторный зал, останавливаясь у стойки.

Когда-то тут было фойе жилого барака, неудобный холл, окруженный подсобными помещениями. Теперь же первый этаж «Шелкового пути» расширился, заполнился столиками, стульями, вешалками для одежды и длинной стойкой, за которой легко помещались двадцать человек. Будуары девочек подешевле тоже остались на первом, соседствуя с комнатами персонала. Сам Темирбаев, как и товар для состоятельных клиентов, занял весь второй этаж, почти не подвергшийся перепланировке.

Посетителей не было по двум причинам. Кабак и в обычные дни открывался только в обед. А уж сегодня, когда Арсен сам дерзнул броситься во взведенный капкан, Султан приказал закрыть все двери до отдельного распоряжения.

Опершись на стойку, Айбар вопросительно посмотрел на Глисту, одного из своих барменов. Тот, по обыкновению пряча глаза и нервно облизывая губы, только покачал головой. Арсен еще не пожаловал.

Часы над стеллажами с алкоголем показывали, что до визита еще пара минут. Осмотревшись, Темирбаев решил воспользоваться этим, чтобы надавать работникам по шее за пыльные подоконники и не самый чистый пол. И даже открыл рот, грозно сдвигая брови, но тут двери «Пути» скрипнули, и Султан обернулся, приклеивая к лицу фальшивую сладкую улыбку.

Толстяк заглянул робко, будто опасался, что в него могут запустить ботинком. Прищурился, углядев у стойки Айбара, проскользнул в двери, прикрывая за собой. Помялся, не спеша проходить, и Темирбаев широким жестом поманил его к столу.

– Спасибо, Султан, что согласился уделить мне пару минут... – мелкими шажками толстяк пересек зал и уселся за указанный столик в центре. – Я ведь знаю, насколько ты занят...

– Здравствуй, Арсенчик, здравствуй. – Султан с интересом рассматривал бутылку, которую хозяин «Добытчика» держал в левой руке, не зная, куда пристроить. – Все ли благополучно в бизнесе?

– И тебе доброго здоровья, Султан. – Толстяк наконец решил, что выглядит неловко, и поставил бутылку на стол. Внутри плескалось что-то белесое и мутное. – Всё в порядке, вашими молитвами, пусть так и остается...

Темирбаев подал знак: Глиста мгновенно исчез в подсобке, а двери копеечных будуаров закрылись.

– Хочешь выпить? Крепкого или чаю? – Темирбаев широкими мягкими шагами отошел от стойки, присаживаясь напротив.

– Нет, спасибо, Султан. Я ведь тебя надолго не отвлеку, да...

– Хорошо. – Айбар кивнул. – Давай сразу к делу. Ну, рассказывай, что там у тебя?

Арсен замялся. Иногда Айбар вообще не понимал, как такие люди умудряются не только вести дела, но еще и оставаться в выигрыше. Но у каждого свой путь, и он крепко постарается не демонстрировать своего отвращения.

– Вот, смотри. – Хозяин гостиницы покосился на принесенную бутылку, как будто это всё объясняло.

– Вижу, бутылка, – улыбнулся Султан. – Хочешь меня угостить?

– Нет-нет, Султан, я о другом. – Пухлые губы Арсена растянулись в ответной улыбке, которую Темирбаев с удовольствием разбил бы в кровь. – Это привезли мои люди из леса. Километров тридцать на юго-восток. Там живет дед, он может гнать самогонку промышленными объемами... Дешево, за копейки считанные. Если будем забирать партиями, неплохо наваримся!

И он опустил глаза, не выдержав пристальный взгляд хозяина Тайги.

– М-м-м... – протянул тот. – Новый канал поставки алкоголя? Предлагаешь мне войти в долю и поставлять это пойло в «Шелковый путь»?

– Ты, как всегда, видишь меня насквозь, – неумело польстил Арсен, вытирая вспотевшие руки о штанины. – Качество, конечно, не очень... Но как выпивка эконом-класса прокатит влёт. Для тех, у кого вообще с баблом туго...

Султан потянулся вперед так быстро, что Арсен дернулся. Взял со стола бутылку, отковырял самодельную пробку, осторожно поднес горлышко к носу. Принюхался, постаравшись не морщиться, изучил взвесь на просвет. Так же бережно закупорил и поставил на место.

– Ну, что скажешь?

О, ему многое хотелось сказать Арсену. О том, что продавать алкоголь и спаивать целый город – разные вещи. О том, что вытягивать у «кротов» деньги за добрый продукт и обманывать людей, втюхивая сивуху, – разные вещи. О том, что репутация, созданная годами, порою рушится в один миг. Айбар хотел сказать всё это, сопровождая слова ударами ног.

Вместо этого он еще раз улыбнулся и покачал головой.

– Это нельзя пить, Арсен.

– Так я тебя и не заставляю, Султан, – расхохотался тот, всплеснув пухлыми руками, но сразу осекся, изучая морщинистое лицо собеседника. – Ну, то есть я хотел сказать, что и сам понимаю, гонят они настоящую отраву, но...

– Нет, – негромко отрезал Темирбаев, и блеск в глазах толстяка потух. – Я не буду торговать этим дерьмом. Даже за копейки. Вместо этого я вложу деньги в новую партию хорошего столичного пойла и элитных трансеров-проституток. Но отравы в моем заведении не будет никогда. Я помогаю добытчикам скрашивать досуг и ремонтирую оборудование, но я не душегуб.

Он хотел добавить, что решительно не советует торговать таким самогоном и самому Арсену, но это шло вразрез с дальнейшими планами Султана. Лучше Айбар просто пошлет Вэйяня и тот спалит доморощенную винокурню вместе с ее обитателями...

– Мне жаль, Султан... Прости, я не хотел тебя обидеть... Просто я...

– Да ты и не обидел, – Айбар миролюбиво показал ладони. – Это бизнес, какие тут обиды?

Обижаться – вообще не в привычках Темирбаева, это знали все. Потому что умные и деятельные люди не обижаются вовсе. Султан себя таковым считал. И то, как ловко он сумел взять быка за рога сразу после неприятностей со Станцией, было прямым подтверждением. Новый мир потребовал новых свершений, не так ли?

В принципе, Темирбаев не делал секрета из своей жизни. Многие, в том числе и в столице, знали, как три года назад он обнаружил в лесах брошенный военный городок, опустевший после войны с «Наукомом». Как назвал его Тайгой, своих первых работников доставив сюда почти силой. А потом принялся упорно превращать поселок в столицу своей империи, опираясь на силу лояльных бандитских группировок.

В Новосибирске, разумеется, знали, и это было главной причиной встречи с Арсеном, на которую не без брезгливости пошел Султан. Знали, как тонко выдерживал грань хозяин Тайги, умудряясь плясать и для непризнанных республиканцев, и для бандитов, и даже для геолого-разведчиков из Поднебесной. Среди последних даже ходили слухи, что Президент новой Республики лично финансирует поиски «чернухи», опираясь на силы и авторитет Айбара. Чего только люди не придумают?

Изучая помрачневшего визитера, Темирбаев с трудом удерживал себя от смеха. Да, именно такой человек ему и нужен... Когда рука власти дотянется до Тайги, в ее палыцы должен будет попасть только Арсен.

Поселок рос стремительно, как на дрожжах. Если год назад его население не превышало 400 человек, то сегодня эта цифра перевалила за тысячу. Хватка Султана и его умение воспользоваться ситуацией вызывали уважение у многих. Попытки отделения Сибири от Федерации сыграли ему на руку, убрав из окрестных лесов способных помешать военных и агентов ОКР. Остальное он решал взятками и регулярными обещаниями, что новый Эльдorado вот-вот будет найден кем-то из «кротов».

Но так не могло продолжаться вечно. Всё чаще и чаще ему доносили, что иллюзия готова дать трещину. Что множатся разговоры, будто именно Темирбаев в свое время стал отцом новой мифологии севера. Источником слухов о том, что после Инцидента в старых месторождениях Сибири можно найти новые запасы нефти. «Чернухи», как ее называли клиенты Айбара. А еще гелия для отрасли дирижаблестроения и других ресурсов, запасы которых были до дна выбраны десятилетия назад... А ведь именно эта мифология потащила в Тайгу авантюристов, которых Султан обеспечивал, продавая им женщин, наркотики и алкоголь.

Чего только люди не болтают, не так ли? Послушать их, так Темирбаев просто чудище. Заманивает в глушь глупеньких людишек, обирает их, бандитов каких-то использует, взятки дает... Скоро заговорят, что и детишек ест на завтрак...

«Чудище» смотрело на примолкшего Арсена, не отрывавшего взгляда от мутной бутылки. Грустного взгляда, полного разочарования. Наверное, он уже просчитал, сколько наварит на согласии Султана. Как же тяжело ему сейчас прощаться с мечтами!

Ну, ничего, хозяин Тайги кинет ему кость, только накалит до нужной температуры. Откровенно, Темирбаев был бы рад отдать толстяка под нож Вэйяня и спустить в свинарники. Но Султан умел извлекать пользу из всего, даже из таких жалких человечков...

Он встал, с сочным стуком отодвигая стул. Подошел к стойке, налил себе и гостю из титана кипятку, добавил из чайничка крепкой ароматной заварки. Вернулся за стол, протягивая напиток собеседнику. Тот с удовольствием принял чашку, глотнул, поставил на свой край стола рядом со злополучной бутылкой.

– У меня ведь тоже к тебе есть предложение, Арсенчик, – негромко нарушил молчание Султан, прихлебывая мелкими глоточками. – Деловое, выгодное...

Глаза толстяка прояснились, будто кто-то дохнул на покрытое инеем стекло. Он подался вперед, уже не гипнотизируя бутылку с самогоном.

– На самом деле? Ох, Султан, как же я рад вести с тобой дела...

– Да подожди ты лебезить, – не стерпел Айбар, но хозяин «Добытчика» не обиделся на резкость. Хоть и замолчал. – Скажи, Арсенчик, ты ведь не будешь спорить, что Тайга – мой город? Мой Анклав, если угодно. Со своей службой безопасности, со своими корпорациями по продаже инструмента или бухла. С инфраструктурой и амбициями.

– О, Султан, конечно, нет! – Арсен дернул рукой, чуть не расплескав из кружки. – Все-вышний упаси тех, кто думает иначе!

– Хорошо.

Султан сделал паузу, чтобы неспешно отхлебнуть чаю.

– В Новосибирске меня не трогают в обмен на услуги, информацию или взятки, – сухо и убедительно продолжал он, констатируя факты. – Бандиты уважают, а большинство их просто-напросто боится. Федералам тут делать нечего, любого агента ОКР я за богатое вознаграждение сдаю казакам из БАРСа. Однако осенью в Республике пройдет перепись. И в этот раз, как на референдуме, нам уже не избежать официоза. Ты ведь понимаешь, о чем я, Арсенчик?

Тот уверенно замотал головой, но по свинячьим глазкам Айбар читал, что толстяк усвоил не до конца. Вздохнув, он терпеливо продолжил:

– Официальные базы данных. Мы станем законным населенным пунктом Республики, а не просто призраком на старых картах. Будем платить налоги, вшивать государственные «таблетки», во всем подчиняться Новосибирску. Может быть, даже откроем отделение полиции. Кто знает...

– Ага, теперь я понимаю.

– Не перебивай! Так вот, друг мой, я перехожу к главному. Городу, входящему в лоно Республики, нужен посадник. Настоящий, официальный. Человек, которого народ сначала назначит, а после – когда столица доберется до нашей глуши – переизберет в соответствии с законом.

Рот Арсена приоткрылся, по виску скатилась капля пота. Он потянулся за махоркой в нагрудном кармане, но только помял пакет, забыв свернуть сигарету.

– О, Султан... ты станешь настоящим посадником? – с завистью выдохнул брюхотряс, глядя на Айбара преданно и жадно.

Тупой баран... Темирбаев скрыл вернувшееся раздражение громким дружеским смехом. Даже руками покрутил, отмахиваясь от перспективы.

– Нет, нет, Арсенчик, ты меня неверно понял. Не может Султан стать официальным лицом. Хозяйственник я хороший, исполнитель тоже. Но быть законным посадником? Нет, увольте. – Он рубанул ладонью воздух. – Таким человеком должен быть кто-то умный и ловкий. Вроде тебя.

– Меня?! – челюсть Арсена отвисла еще ниже.

– Конечно, дружище, потому я тебя и пригласил. И поэтому... если ты, конечно, не против?... – Темирбаев изогнул бровь и пригладил роскошные усы. – Я предлагаю обсудить условия. Жалованье твое до выборов беру на себя, организацию народного схода – тоже. Ну и, разумеется, подключу связи в столице, когда дело дойдет до перевыборов...

Арсен смотрел на него и одновременно куда-то мимо, хлопая ресницами и всё еще забыв закрыть рот. Похожий на рыбу. Толстую оглушенную рыбу.

Султан откинулся на спинку стула и улыбнулся. Он умел и любил рыбачить, заранее чувствуя, когда жертва заглатывает крючок.

CREDITUM VI

Она опять оказалась в этом месте – холодном и безжизненном. Мертвенный молочный свет лился откуда-то сверху, ослепительный, но не мешавший смотреть по сторонам. А лучше бы и не смотреть...

Фигур были сотни. Невысокие, шуплые, они рядами уходили куда-то за горизонты, теряясь в белоснежной дымке. А сколько их там, за гранью? Она не различала лиц, не могла рассмотреть, во что одеты фигуры. Понимала, что в какие-то одинаковые робы мышинового цвета, но стоило ей сфокусировать взгляд, как зрение тут же подводило, всё начинало плыть, ускользая от понимания. То же было с лицами. Она могла поклясться, что глаза ближайшей фигуры зеленые, как и у нее самой. Но только поворачивалась, всматриваясь пристально, перед лицом будто натягивали матовую непрозрачную пелену.

Она пошла вперед, медленно и осторожно. Это тоже было частью происходящего, хоть сопротивляясь, хоть кричи. Шла среди безликих фигур, чьи многочисленные ряды статуями коченели под ярко-белым потолком. Прислушивалась к полнейшей тишине, наполнявшей зал. Почему-то она думала, что это именно зал – огромный и круглый, с куполообразным потолком. И хотя никогда прежде не видела ничего подобного, сознание продолжало цепляться за найденную ассоциацию, не позволяя удариться в панику.

Шагов не слышно, нет и теней. Место в зловещей ослепительной пустоте, где всё ненастоящее, мертвое, неживое. Но готовое переродиться, эта мысль была еще более уверенной, чем предположение об архитектуре странного «нигде».

Казалось, бесполые фигуры дышат. Краешком глаза она все-таки замечала, как сжимаются под одинаковыми одежками легкие. Но убедиться в этом было решительно невозможно, а потому девушка и не пыталась услышать или разглядеть.

Шаг, другой, третий. Кругом овалы бледно-розовых лиц, кругом сотни силуэтов, самый высокий из которых чуть выше ее. Давящая тишина, и ослепительный свет. Бабка говорила ей, что многие предпочитают считать белый цвет добрым, благородным и очищающим. Но бабка не была в этом месте, чтобы вместе с ней убедиться, каким ледяным и зловещим может он оказаться.

Скоро, совсем скоро. Еще десяток шагов, может, чуть больше – она всё равно никак не могла запомнить, где это случится... Двигалась вперед, не ощущая ни озноба, ни жары, а затем невысокая фигура справа от нее качнулась. Послышался совиный крик, и в ее запястье вцепилась крохотная ручонка, холодная, как ледышка. К такому нельзя подготовиться, даже пройдя через кошмар хоть сто раз, поэтому девушка вздрогнула, внезапно ощутив всю боль и отчаяние этого места. Ощувив безысходность, переполнявшую окружающих людей. Ощувив их *изменение*, непреодолимое и зловещее. Вскрикнула, попытавшись выдернуть руку, отвернулась от чьего-то цепкого взгляда, отшатнулась, но ручонка держала крепко, как медвежий капкан.

– Варвара...

Пленка сна лопнула, и она сразу почувствовала присутствие бабки, безмятежное и доброе. Нечто, защищающее от ураганов лучше крепких стен.

– Варвара! – теперь это было не в жутких грезах, теперь по имени ее звала бабушка Люба. – Вставай, радость моя, пора.

– Конечно. – Девушка с удовольствием потянулась, жмурясь от приятного покалывания. – Уже встаю, бабуль.

И тут же почувствовала что-то незнакомое, чего не было ни вчера, ни зиму назад. Что-то, нарушившее мерный распорядок их такой уединенной жизни. Что-то волнующее, причем не самым дружелюбным образом. Казалось, в дом пришло новое, незваное, как запах гари от пожара.

Варвара зевнула, прикрывая рот ладонью, встряхнула головой, прогоняя остатки морока.
– Бабуль, а сколько времени?

Она недоуменно уставилась за крохотное окошко. За стеклом, собранным из четырех осколков, всё еще помалкивала ночь. Конечно, и в обычные дни они вставляли затемно, особенно зимой. Но сегодня это произошло определенно раньше, на час уж точно. Потому что и сам день обещал быть не самым обычным. И Варя еще не знала, как отнестись к охватившему ее незнакомому щемящему чувству.

– Самое время, внученька, – теплая морщинистая рука ласково потрепала девушку по запястью, точно в том месте, где в кошмаре ее хватали мертвой хваткой. Тревога тут же ушла, а сердце забилось ровно и чисто. – Сегодня пораньше нужно. Вставай, поможешь.

– Конечно, бабуль... – Варвара опустила босые ноги на пол, подтянула края застиранной ночной сорочки. Привычным движением отбросила косу за спину, пригладила волосы. – Умоюсь только... А может, случилось что?

Она с тревогой взглянула в лицо своей бабки, такое уютно-морщинистое и славное, словно июльское солнце. Любава прищурилась, глаза озорно блеснули в полумраке, а от их уголков бросились врассыпную лукавые морщинки.

– Да что ты, хорошая моя, – бабушка отошла от кровати, от горящей свечи подпалила еще одну, потолще. Верткая, шустрая, не потерявшая твердости рук даже к своим восьмидесяти четырем зимам. – Что тут у нас случиться может?

Она улыбалась, была полна энергии и хорошего настроения, но что-то всё же не укрылось от Варвары. Не от слуха или зрения, которым девушка иногда доверяла не до конца, а от скрытого внутри, подальше от всего мира. Неужто обманывает ее бабуля? Быть такого не может, глупости... Разве что сердце снова прихватило, отсюда и тревога.

Чувство, зародившееся еще во сне, набирало силу. И печка затоплена не только что... Значит, баба Люба встала заранее?

Искоса поглядывая на старушку, Варвара легкими шажками порхнула через девичью спальню, склоняясь над примитивным механическим умывальником. Плеснула в лицо горсть прохладной воды, еще одну, улыбнулась влажной прохладе, впитала каждую капельку.

– Собирайся, внучка. – За ее спиной бабушка Любава что-то искала в шкафу для одежды. – Пойдешь сейчас на Кривую Косу, хорошая моя, забереешь посылочку.

Она что-то нашла на нижних полках и завернула в чистое кухонное полотенце. Прошаркала в соседнюю – самую большую комнату их дома, служившую одновременно и столовой, и кухней, и горницей, и местом для рукоделья. Там, чему Варвара удивилась еще сильнее, неярко горела керосиновая лампа, которую зажигали только по праздникам.

– На Косу? – удивленно переспросила девушка, начиная одеваться. – А чего в такую рань-то? Бабуль, давай я после Ластенки схожу, а? Ночь же еще...

– Нет, родная, сейчас нужно... – теперь бабушка возилась где-то вне поля зрения, гремя посудой. – Запомню тебе напроць твоя бабка, плохая совсем стала. Сплошные дырки в голове, а через них добрые мысли высыпаются... Нельзя тянуть, вчера еще забрать нужно было, так что ты иди. Тележку не бери, там нетяжкое.

– Ладно, ба. – Варвара не привыкла спорить с самым близким человеком в своей жизни. Натянула теплые кальсоны, мохнатые шерстяные носки, нижнюю рубаху из конопляных ниток, ткань на которую соткала сама. – Только до ветра схожу да Ластенку проведаю. А то проснулась, поди, красавица наша, услышала, что мы на ногах-то...

– По дороге сходишь, – вдруг отрезала Любава, и что-то упало из ее руки на стол, необычно громко звякнув.

Варя вздрогнула, напуганная этим простым звуком, и даже замерла, так и не просунув голову в ворот плаття. Посылки, которые им оставляли жители окрестных сел в обмен на услуги или подарки леса, были, разумеется, жизненно необходимыми. Бесценное горячее для

насоса или ламп, гвозди, кое-какой инструмент, соль и многое другое. Но чтобы вот так, ни свет ни заря, отправлять внучку за добрых десять верст от дома? Да при неподоенной корове-кормилице? Да еще и *таким* тоном?

– Ба? – она выглянула в соседнюю комнату.

Любава стояла над кухонным столом, втянув голову в плечи. Сейчас она казалась такой старой, удрученной, сгоревшей. словно десятки прожитых зим разом навалились на ее шею, заставив впервые в жизни опустить голову.

– Что случилось-то? Я ж вижу...

– Ничего, родненькая, – Любава обернулась, преобразившись в один миг так разительно, что девушка даже опешила – не привиделось ли, что бабка чем-то подавлена? – Ничего не стряслось, не волнуйся... Сердце припекло малость, но ты ж знаешь, что всё будет в порядке.

Девушка знала, хотя успокоилась не от слов – от любимой и любящей улыбки и ласкового взгляда. Они все знали, и бабушка, и мать, и матери всех матерей. Когда, как, почему. Если бы Любава увидела смерть, то не стала бы скрывать от внучки, Варя в это искренне верила.

– Ты давай беги, радость моя. – Бабушка опустила руку на увесистый сверток, перемотанный бечевкой так, чтобы удобно нести на спине. – Вот, собрала тебе в дорогу чутка...

– А куда столько-то? – из дверей разглядывая поклажу, удивилась Варвара.

Она уже была одета, а потому погасила свечки, скользнув по горнице к выходу. На ходу плеснула из кувшина родниковой воды, жадно опустошила стакан.

– А тут и не всё тебе, – наставительно поправила бабушка. – Доберешься, покушаешь, а остальное деревенским в схроне оставишь, уяснила?

– Конечно, ба. – Последние тенета сна таяли, и девушка почти настроилась на долгую дорогу. В сенцах сунула ноги в мягкие кожаные мокасины, накинула меховую куртку. – Телегу точно не брать?

– Нет, внученька. – Любава вышла проводить ее, прикрыла за собой створку, отчего в сенях стало темно и неуютно. – Там тяжелого нет, донесешь...

Протянула внучке сверток, помогла набросить на спину, затянула веревки. Повязав платок и накинув сверху капюшон, Варвара в последний раз повернулась к бабушке. Приоткрыла внешнюю дверь, впуская в клеть полосу тусклого лунного света.

– Ну, миленькая моя, с Богом. – Любава обняла внучку, осенила несколькими быстрыми, но плавными жестами. – Ты беги, торопись, а то зазря всё...

– Конечно, ба. – Варя улыбнулась ее теплым глазам, поблескивающим в полумраке. Наклонилась, целуя морщинистую щеку. – Я мигом, ты и обернуться не успеешь...

– Осторожнее там, внученька, – сказала бабушка Люба. Хотела добавить что-то еще, но слова не пожелаали выходить, и она только вздохнула, выпуская девушку из объятий. – Ты у меня умничка, ты справишься...

Варвара, чтобы не напускать в сени утреннего морозцу, шустро выскочила наружу и плотно прикрыла створку. Услышала, как лег засов. Какое-то время постояла неподвижно, позволяя глазам привыкнуть к ранней утренней хмари. И уверенно зашагала в тайгу, густым ворсом окружавшую их крохотный отшельничий хутор...

Позже, когда бродила по горькому пепелищу, роняя слезы на еще теплые угли, вспоминала, как крепко-крепко обнимала ее напоследок обманщица-бабка. Как многое намекало о том, чего девчонка понять не смогла. О том, как Варваре спасали жизнь.

CREDITUM VII

«На прошедшей вчера конференции секретарь Конфедерации Католического Вуду по связям с иностранными государствами Джеферсон Прэтт направил правительству Индии ноту протеста, в резкой форме отметив, что подразделения Седьмого Флота Конфедерации не имеют никакого отношения к исчезновению «Галилея». Учения, уже месяц проводимые конфедератами у берегов Европы, развернулись в тысяче миль южнее места предполагаемого исчезновения танкера и под бдительным контролем Союза и мировой общественности. В ответ на высказанные официальным Дели обвинения господин Прэтт порекомендовал усилить борьбу с пиратами, наводнившими Среднеазиатский бассейн, а не искать угрозу за пределами Гибралтарского коридора.

Реагируя на слова Прэтта, МИД Индии заявил о необходимости проведения самостоятельного расследования, призвав в наблюдатели офицеров разведки и ВМФ Европейского Исламского Союза. Также анонимный источник в министерстве индийской обороны уже заявил журналистам о неких данных военных спутников, с помощью которых потерпевшая сторона обещает предоставить неопровержимые доказательства неоднократного вмешательства конфедератов в разработку Каспийского бассейна.

Напомним, что первые поставки нефти, практически одновременно обнаруженной специалистами Союза и официального Дели, начались чуть более пяти месяцев назад. Месторождение на дне нового Среднеазиатского моря вскрылось сразу после Инцидента и было вызвано обрушением части Каспийской тектонической плиты. Наиболее пострадавшими от наводнения и цунами регионами тогда стали треть Поволжья, часть среднеазиатских провинций Исламского Союза, а также ряд пустынь.

По мнению экспертов, новое месторождение не позволит до конца решить проблемы энергетического голода, ощущаемые даже спустя три с половиной года после Инцидента, однако поспособствует укреплению мировых экономик и даст веру в стабильное будущее всей планеты. Однако участвовавшие нападения на...».

Щелчком пальцев Ростислав выключил экран, резко разворачиваясь на крутящемся кресле. Жалобно пискнула кожа обивки, подлокотник ударился о стеклянный край письменного стола. Облокотившись на лежащие перед ним папки с документами, Гиляров потер лицо ладонями. Нужно завязывать с просмотром утренних новостей, довольствуясь отчетами секретарей, хотя это решение он пытался принять уже год. Ничего, кроме изжоги и испорченного пищеварения, мировые скандалы не вызывали, так зачем трепать нервы?

Избранный Президент новорожденной Республики Сибирь откинулся на спинку кресла, сделав несколько глубоких вдохов. Официальный рабочий день начнется через пару минут, и к тому времени никто не должен видеть смятения и злости, только что царивших на породистом лице Гилярова.

Никто не должен видеть груза усталости, лежащего на его плечах. Никто не должен знать, каким невыносимым трудом достается ему строительство новой Республики. А ведь он так утомлен... Пожалуй, гораздо больше, чем в ту зиму, что случилась сразу после Инцидента.

Тогда умерли многие, очень многие, едва ли не столько же, как в момент катаклизма. Но выжившие, и их тоже немало, будут благодарны ему навеки. Во всяком случае, он на это надеялся.

Потерев кончики пальцев, Ростислав вызвал на сетчатку левого глаза рабочий экран «балалайки». Бегло просмотрел рабочее расписание и список неотложных дел. Наперво предстояло надрать кое-кому уши – третий гидрогенератор так и не запущен, и в народе уже начинали роптать. Конечно, пресс-служба спешно выпустила в свет дезинформацию о его удачном пуске, но на деле до этого еще было далеко, очень далеко. А они обязаны, просто обязаны

закончить работы, пока на водохранилище не сошел лед, и тут иных вариантов не существовало.

Отдельного внимания заслуживали китайцы. Новая ветка «Звездного пути», ведущая на запад, уже почти дотянулась до Хакасии, и представители Поднебесной требовали усилить охрану – далеко не все сибиряки были готовы равнодушно наблюдать, как трудолюбивый Китай семимильными шагами строит дорогу, проходящую прямо через центр новой Республики. Знать о том, *куда именно* ведет дорога, им не полагалось принципиально, а потому наиболее простым решением представлялось выделение поднебесникам еще одного казачьего подразделения.

Еще предстояло отчетное заседание по автодорожному комплексу, пора строить планы по региону на наступивший год. Новый асфальтовый завод почти завершен, а это означало, что к следующей осени транспортное сообщение с Омском и Красноярском будет окончательно налажено. Магистрали протянутся параллельно линии «Звездного пути», причем так, чтобы географические интересы узкоглазых максимально помогли развитию его собственной инфраструктуры...

Строительный комплекс в этот весенний день также, увы, потребует вмешательства. Демонтаж небоскребов в центральной части города продвигается слишком медленно, и Ростиславу очень не хотелось допустить повторения прошлогоднего происшествия. Тогда, разобранный только до двадцать шестого этажа, огромный жилой комплекс рухнул на крыши соседних домов. Если строители не хотят новых жертв, темпы придется ускорить. Любыми средствами, пусть даже город примет помощь китайских наемных бригад... Разобрать всё, что шатко стоит, перебросить силы на возведение нового жилья.

Еще были очевидные неполадки с коммунальными сетями, но в это он точно не полезет. Иногда Гилярову вообще казалось, что он занимает сразу десять постов – и Президента, и главы города, и множества министров. Но что поделать – светлых голов в чиновники, причем не лентяев и не воров, найти было нелегко и раньше, а уж после катастрофы... Ну ничего, сегодня он министрам скипидару в одно место зальет. Пусть снимают сорочки и лично едут менять трубы, полопавшиеся в морозы. Через пять дней сбор посадников со всех городов Республики, а у него в столице авария на аварии...

Кстати, из Кемерово рапортовали, что отреставрировали целый микрорайон, подачу электроэнергии восстановили и сеть запустили по всему городу. Это хорошо, но нужно проверить, прижать посадничка к стенке, не врет ли? Завышать удои на бумаге Русь любила испокон веков.

Вспомнив о неприятном, Ростислав невольно нахмурился. В Норильске в самом конце зимы посадник погиб, может, даже убили. Может, даже ОКРовцы... А замену так и не нашли, хотя сделать это должны были сразу. Непросто, очень непросто ему в новой роли. Республика набирала силы, но до чего же медленно, надрывно, с постоянной нехваткой людей, ресурсов, времени...

Гиляров оправил галстук, легко помассировал виски. Он считал себя толковым руководителем, деятельным, инициативным, решительным. Многое умел, еще большему научился после Инцидента. А вот делегировать обязанности, доверяя кому-то другому решение важного вопроса, не мог ни за какие коврижки. Даже поручив исполнение министру или главе специального руководства, он непременно лез проконтролировать, ускорить, усилить. Это, конечно, руководителя высшего ранга не красит, так можно и спичкой сгореть, но поделать с собой Ростислав ничего не мог. Особенно сейчас, когда в его внимании нуждалось сразу столь дел.

Но сначала...

До того, как в кабинет станут ломиться многочисленные секретари и помощники, ему необходимо решить еще одно важное дело. Важное настолько же, как сохранение жизнеспособности самого крупного города Сибири.

Выключив экран в глазу, Ростислав дотянулся до коммуникатора, лежащего поверх бумаг. Новенький пластиковый короб телефона удобно лег в ладонь. В свете потолочной лампы блеснул голографический логотип «Наукома». Интересно, в корпорации так быстро развернули новую спутниковую систему связи, потому что были готовы к потрясениям, охватившим мир?

Набрал номер, переводя сигнал на стационарный коммуникатор, почти мгновенно получил ответ. Казалось, начальник Министерства внутренней безопасности Свободной Сибири и вовсе ночевал на рабочем месте, а потому его скуластое лицо сразу заполнило экран.

– Да, Ростислав Михайлович, у аппарата. Доброе утро.

– Кому как, Бугаев, кому как... – Гиляров придвинулся к видеокамере, не удостоив соратника встречным приветствием. – Ты помнишь, что сегодня я снова общаюсь с «птицами»?

– Конечно.

Морщинистое, покрытое шрамами лицо министра было невозмутимым. Он уже давным-давно мог избавиться от боевых отметин, но предпочитал оставить всё как есть. Шрамы, они ярче медалей блестят, говаривал ветеран, и Ростислав не мог винить его за этот небольшой каприз.

– Отчет готов, но шибко порадовать не смогу...

– Что есть? – сухо поинтересовался Президент, еще три года назад бывший всего лишь наместником.

– Пара микроавтобусов, человек сорок. – Говорили безмятежно, доверяя надежности канала связи. Вся электроника, поставляемая в Сибирь из «Наукома», тут же взламывалась и шифровалась Терпением. – Готовы к отправке на север Красноярского посада, выдвигаются послезавтра. В рамках программы заселения. В сопровождении, как и оговорено, мои архаровцы, ни одного казака. Всё чисто, в посылке старше семнадцати никого. Как один, все беспризорники или сироты. Комар носа не подточит...

– Семнадцать – много. – Гиляров задумчиво покусал губу. – Снимай переростков с рейса, установи верхний порог на пятнадцать.

– Будет сделано.

Ростислав точно знал, что бывшему майору совсем не по душе дело, которым тот решил заняться вместе со своим патроном. Но также новый Президент знал, что цель оправдывает средства. И что Бугаев не подведет. Такие, как он, будут исполнять приказы до последней буквы, отбросив в сторону мораль, справедливость и милосердие. Будут исполнять приказы до тех пор, пока не сломаются, послав себе в лоб пулю. Но осознание чудовищности операции «Средний фон» еще не скоро постучится в их совесть. А это значит, нужно продолжать работу.

Вообще-то министра звали не Бугаев. Но так уж получилось, что сразу после Инцидента лично отобранные майором бойцы составили так называемую «тысячу бугаев», после чего к решительному тысячнику приклеилось прозвище, так похожее на фамилию.

– Хорошо, – после короткого размышления подвел черту Гиляров. – Пусть будет сорок. Так и сообщу, готовь товар к отправке. Есть еще что-то срочное?

– Ничего, что нельзя обсудить на дневной планерке, – за время разговора на изрытом фронтовыми окопами лице Бугаева не дрогнул ни один мускул, но в глазах блестели льдинки.

– Тогда отбой, – вздохнул Президент, выключая коммуникатор.

Они наверняка будут прокляты, непримиримые найдутся всегда. Но имена Гиляровых и Бугаевых предадут забвению, только если они проиграют. Только если не смогут скрыть, какой ценой возродилась Сибирь, сумев дать отпор разрушенному «центру» и шакалам-поднебесникам, выжидающим момент, чтобы подмять.

Историю пишут победители, об этом говорили все учебники истории, это доказывали биография доктора Кауфмана или строительство Станции «Наукома». И, если проект будет удачным, новое поколение сибиряков воздаст Гиляровым и Бугаевым должное. Воздаст, пере-

жидаю зимы в теплых домах, водю детей в отстроенные школы и больницы, имея в кармане кулак, способный ударить любого врага – сильно и без пощады.

Ростислав вдруг понял, что сознательно накручивает себя перед предстоящим разговором. Накручивает, чтобы не дрогнуть в последний момент, отказав подрядчикам и вдруг не поставив крест на том, чего уже нельзя остановить.

Послав в сеть условный зашифрованный сигнал, он приготовился ждать. Откинулся в кресле, побарабанил пальцами по подлокотнику. «Человек-птица», как про себя называл его Гиляров, никогда не отвечал сразу.

Вызов поступил минут через пять-семь, как обычно. По той же традиции вызывающий вновь воспользовался стационарным спутниковым коммуникатором, позволяя видеть себя, но не требуя от собеседника встречного видеоконтакта.

Подключая гаджет к «балалайке», Ростислав вздрогнул, заметив на сетчатке глаза сразу несколько пиктограмм – новый канал связи был защищен так, как безопасникам сибирского Правительства и не снилось. Прикоснувшись к левой ладони, Президент принял входящий, про себя вознеся короткую молитву Всевышнему.

– Здравствуйте, Ростислав Михайлович, – сказал с экрана человек в плаще и птичьей маске, выглядывающей из-под темного капюшона.

– Здравствуйте... – со стороны казалось, что решительный Ростислав Михайлович оцепенел, уставившись в пустоту. Ему всегда было не по себе, когда *это* называло его по имени. – Сегодня, если я не ошибаюсь, у нас очередной сеанс связи?

– Верно. – Птичий клюв, похожий на журавлиный, склонился, когда его обладатель медленно кивнул. – Вы готовы сделать новые инвестиции в проект?

– Да, – ответил Гиляров, чувствуя, что потеет. Радуюсь, что его в этот момент не видно, он потянул узел галстука. – Увеличить темпы пока не удастся, но еще сорок единиц товара вы получите уже на следующей неделе...

CREDITUM VIII

Он никогда не считал себя бандитом, нет. Хотя за короткую житуху и грабить приходилось, силой отбирая у слабого то, что по нраву. И воровать, подхватывая, что плохо лежит, в основном одежду и еду. И даже убивать, брать немалый грех на душу, защищая свое добро, здоровье и жизнь.

Нет, он не бандит, потому что переступать законы его *заставляли* – угроза смерти от голода, угроза изнасилования в общей душевой, угроза не добиться положенного по возрасту авторитета. Бандиты не такие, Митяй это точно знал, вычитав в книгах, услышав от взрослых надзирателей и убедившись на себе.

Они отморозки, сознательно – и это главное слово – выбравшие себе путь ножа и «дыродела». Люди, а часто и нелюди, которые не представляют себе жизни иной. Примеров и раньше было достаточно, а уж после Толчка вообще как прорвало...

Не успела осесть пыль, поднятая землетрясениями, а на большие дороги уже выползали вооруженные группировки националистов, наконец-то решивших очистить Сибирь-матушку от узкоглазых и арабов. За ними насладиться плодами хаоса рискнули маргиналы – тритоны и прочие недочеловеки, сообразившие воспользоваться суматохой и потрясти за мощную небольшие сибирские города. Хотя этих, благодаря особому виду безумия и полному отсутствию «синдина», задавили быстро... Задавили те же «революционеры». Это сейчас освободители Сибири стали БАРС, или «барсами», как сами себя величают. А тогда, три года назад, были бунтовщиками, обычными рейдерами, грабившими, убивавшими и набивающими карманы.

И еще появились Остроухие Куницы... Отлично экипированные, имеющие собственные жесткие законы, безбашенные лихачи, наводнившие Сибирь, расшатывавшие ее и без того шаткие основы.

Митяй не знал, была ли между разрозненными отрядами Куниц какая-то координация или же новое веяние само по себе размножилось под порывами ветра свободы. Но факт оставался фактом – и под Омском, и за Красноярском, и в окрестностях сибирской столицы начали бесчинствовать отряды странных людей, для демонстрации собственной жестокости и устрашения врага подрезающих себе кончики ушей.

Вот это бандиты, да. Как фермеры на луга, выходят они на большую дорогу, совершают вылазки по деревням, вступают в отчаянные схватки с федералами. Для них это романтика, образ мышления и жизни, без которого они задохнутся, как выброшенные на берег караси. Среди мальчишек Напильника, пусть даже и преступавших закон, таких было очень мало. Может быть, позже, когда дети подрастут, как это произошло с Клёпой... Но об этом лучше и не помышлять.

Митяй не был бандитом, нет. Сейчас, изучая белый, в лохмотьях облупившейся извести потолок карцера, он в который раз оценивал себя. Думал о том, что, выпади второй шанс или возможность, непременно поступил бы иначе. Сделал бы так, чтобы не красть. Не грабить. Не убивать...

Но только не в этот раз. Вспоминая произошедшее за кухонным блоком, Митяй снова и снова убеждался в своей правоте и даже желании повторить содеянное. А может быть, и не один раз. Такое с ним происходило впервые, а потому паренек нервничал, ворочаясь на железной койке без матраса.

Раскаивался ли он? Нет, нисколько.

Конечно, с Напильником вышло неправильно. С нарушением законов Кропоткина – тоже неправильно. Ведь можно было надавить на директора, ввести поправки в свод правил лагеря, что-то изменить. Чтобы с девчонками только по обоюдному желанию и чтобы не раньше двенадцати лет...

Но даже для своих годков Митяй знал, причем с горькой убежденностью, что слова ничего изменить не смогут. После Толчка они уже не совсем люди, как те же Куницы или «барсы». Они – молодые зверята, живущие по законам стаи. Не нравятся волчьи уставы, по которым существует коммуна, – ворота тебе откроют в любой момент. А значит, позавчера он выбрал единственно верный путь, и раскаиваться поздно...

Без жестокости, без надрыва, без пролитой крови крепкий дом не построить. Так считал Напильник, примерно так же когда-то рассуждал и сам Митяй. Но всё чаще убеждался, что правила пишет тот, в чьей руке автомат. Он сам, директор, Клёпа, Беляш и другие черенки... А уж если такая справедливость не устраивает кого-то из слабых, это его проблемы.

Им было трудно, факт. С рождения оторванные от «обычной» жизни по колониям и интернатам, дети не успели узнать ни основ армейской организации, ни муниципальной. Единственный пример сообщества, яркий и показательный – тюрьмы для подростков, в которых они мужали, – лежал прямо перед глазами. От него Напильник в свое время и оттолкнулся.

А это означало, что старшие могли наказывать младших, выполняя только военные и охотничьи функции. Заставлять работать тех, кто оружия держать не умел. Могли притеснять, издеваться и насиловать. Не без причины, конечно, не на пустом месте. Но представления о справедливости и законности наказаний в Кропоткине были вовсе не такими, как в книгах местной библиотеки. И это Митяй с каждым днем ощущал всё острее, всё болезненнее...

Новый, поднимающийся из обломков мир сомкнулся вокруг них, превратившись в лагерный забор. Интересно, что будет, если через пару лет их найдут федералы или силы Свободной Сибири и попытаются вернуть под свое крыло?..

Митяй перевернулся на бок, натягивая на плечи драное одеяло. Карцер был расположен в неотапливаемом бараке, нежилом и отведенном под склады. Зимой заключенные Напильника тут умирали, сейчас изо рта всего лишь шел легкий парок.

Ничего, жить можно, и не такое случалось. Кормили, конечно, всего раз в сутки, да и то абы как. Но выручали Юлькины девчонки. То ли сами, то ли по ее наставлению они уже несколько раз подкармливали узника через зарешеченное окно. И еще приходил Алексей.

Неизвестно, как ему позволили общаться с заключенным, хотя и официального запрета на визиты директор не выдавал. Обыскиали на оружие, которое щегол мог пронести в «камеру», да и пропустили.

– Вот. Это тебе, поешь. – Лёша положил на единственный табурет пару вареных картофелин, завернутых в черный целлофан. – И спасибо.

– Не спасет, но приятно, – вдруг вспомнил Митяй дерзкую поговорку надсмотрщиков. – Это еще за что спасибо-то?

Он не хотел огрызаться, получилось невольно, вырвалось с паром дыхания.

Бывший старшак сел на кровати, со стуком опустив на пол ноги в тяжелых ботинках. Развернул еще теплые клубни, отломил кусочек, прожевал.

– За всё, – просто ответил мальчишка, не обидевшись на резкость. Синяк под его глазом уже почти сошел, превратившись в бледно-желтое пятно. – Это от нас с Дашей. Ты кушай, а то и разболеться недолго.

– Без сопливых скользко, – Митяй отвернулся к окну.

Он ведь почти сразу увидел в мальчишке что-то... Что-то теплое, от чего кропоткинцы давно отказались. И, возможно, никогда не обретут вновь. Увидел нечто, чего был лишен сам. Воспитание, будущую благородную статью, заботу о близком существе, только вчера совсем чужом. А еще неугасимое умение оставаться человеком под любыми ударами судьбы. Какой-то упорный блеск в глазах, даже когда на скулах расцветают фингалы.

А вот злиться, обрывать беседы и грубить мальчишке заставляло осознание того, что через какие-то полгода Лёша тоже станет волчонком. Таким же, как другие жители коммуны.

Злобным, недоверчивым, думающим только о себе. А если не станет, то погибнет – в драке, неудачном походе в лес или вообще в этом самом карцере.

– Иди давай! – он всё еще смотрел в окно, не обращая внимания на Алексея, стоящего у двери. – Директор узнает, башку оторвет, понял? И вообще, я спать хочу...

Он спрятал картофелины под подушку, снова лег, укрываясь одеялом.

– Хорошо, – согласился незваный гость, с пониманием кивнув. – В следующий раз попробую раздобыть тебе новое одеяло...

– Да плевать...

– До свиданья. И еще раз спасибо.

Он постучал, охранник отпер, дверь легко хлопнула, щелкнул засов, и Митяй снова остался один.

Наверное, стоило сделать всё иначе. Например, взять Клёпу на охоту, в кои-то веки сходить самому, найти укромное место... Тогда и вопросов бы не возникло, и отношения с Напильником не испортились.

Он укорил себя за вспыльчивость, толкнувшую к краю пропасти, и перевернулся на другой бок. Из-под подушки, пробившись сквозь целлофан, ему в ноздри ударил аппетитный аромат еще теплой еды.

CREDITUM IX

Сухих дров почти не нашлось, но это никогда не являлось преградой для знающего человека. Наломав у основания хвойных деревьев сухих веточек, он ножом соскоблил влажную кору, приготовил растопку. Свалив полдюжины тонких елей и молодых сосенок, выложил подстилку, ведь даже в выбранном месте ночлега почва просохла еще недостаточно. Дров заготовил без излишка, чтобы хватило на ночные угли. На всякий случай натаскал от ручья несколько камней – если ночевка будет холодной, как пару дней назад, горячие камни согреют спальный мешок... Затем Илья использовал половину пластинки прессованного горючего, и уже через пятнадцать минут костерок запылал, радуя глаз.

Развалившись на тонком, но не пропускающем стужу коврик, Вебер смотрел на игривое пламя, привычно разбирая автомат. Разложил детали перед собой, осмотрел, протер, смазал там, где это было необходимо, переоснастил магазины. Затем наступила очередь компактного пистолета из секретной кобуры на поясе. Следом внимания дождался и нож, чьи грани Илья осторожно выводил небольшим бруском. Безоружный человек в дикой тайге и раньше-то становился легкой добычей, а уж что говорить про наши дни?

Закончив с оружием, он неспешно поел, прикончив остатки пайка, закусил галетами. Жаль, что не удалось прихватить с собой больше, лишний вес замедлял передвижение. А потому он ел трофейные консервы неспешно, по полбанки за раз, стараясь экономить и продлевать удовольствие. Троим нелюдям, казненным Вебером несколько дней назад, прямо перед кончиной крупно повезло. То ли убудки наткнулись на брошенный склад, то ли в деревнях выменяли еду на дары леса. Но в «погреб» землянки Илья нашел несколько коробок с армейской тушенкой, причем китайской, не самого поганого качества. Взял, сколько считал нужным, но уже сейчас с улыбкой фантазировал, что мог бы ухватить и на пару банок больше...

До входа подконтрольного спутника в нужный сектор оставалось еще почти полчаса, спешить было некуда. Срыв и подняв слой мокрого дерна, Илья справил в яму нужду, заодно прикопав и смятую банку от консервов. Бережно уложил дерн на место, замаскировав без следа. Он всё еще надеялся, правда без особых иллюзий, что скиталец потерял след, и поэтому не хотел оставлять зверю лишних маяков...

Вернувшись к костру, Вебер подкормил огонь полешками потолще, проверив, тщательно ли укрыта поклажа от возможного дождя. А то и снега, тут уж чем черт не шутит, на прошлой неделе шел ведь...

Убедившись, что лагерь готов к приближающейся ночи, Илья снова лег на коврик, рассматривая раскаленные в пламени камни. Быть захваченным врасплох от того, что после огня на зрачках останутся плясать предательские сполохи, он не боялся – светофильтры на линзах позволяли многое.

С таким же спокойствием он не боялся и ночного леса, начинавшего нашептывать вокруг человека на десятки разных голосов. Сказывался опыт юности, когда он пару лет проработал егерем в одном из охотничьих угодий. Да и вообще Илья считал, что если путник идет в лес с чистой душой, не желая навредить, ничего ему не угрожает. Ничего, кроме детей Инцидента, которых всё больше и больше появлялось на территории Томского посада...

Повращая глазами и несколько раз моргнув, он активировал «балалайку», возвращая ее из спящего режима. Вызвал на экран, спроецированный на правый зрачок, фотографию, которую рассматривал каждый день. Прислушиваясь к звукам темнеющей тайги, мужчина снова и снова всматривался в лицо светловолосой девушки, улыбавшейся с картинки. В лицо девушки, держащей на руках маленькую девочку, так похожую на мать.

Они-то думают, что Вебер на задании в одном из городов Республики, но рассказывать родным правду или хотя бы часть ее Илья бы не стал ни за что. Света могла не понять. Не

отпустить, в конце концов. А уходить из дома под аккомпанемент ссоры ему очень не хотелось. Пусть жена и дочка Вера думают, что он в Ачинске или вообще в Абакане, охраняет важных господ из нового Правительства. Пусть. Так спокойнее всем. Того, что их муж и отец готовится ко сну в нескольких сотнях километров северо-восточнее Томска, им лучше не знать...

Интересно, как всё сложилось бы, не случись Инцидента? Можно было сколько угодно размышлять на эту тему, но истина так и не откроется. Наверное, сейчас бы служил в одном из подразделений московской СБА, умирал волнения Уруса или Шанхайчика. Выполнял приказы, получал стабильную зарплату, обзавелся друзьями по работе. Побывал бы в знаменитом Пирамидоме, может быть, лично повидал бы мифического Мертвого, о котором слышал столько неправдоподобного. А семья жила бы в сытом Анклаве, но это было всё, о чем разрешалось фантазировать наверняка.

Наверное, в свое время ему очень повезло. Выпал джекпот, как с завистью нашептывали другие кадеты. Слухи о том, что эмиссары доктора Кауфмана присматривают за каждым военным институтом в стране, оказались не просто городской легендой.

Они действительно присматривали, отбирая лучших, в том числе и по Новосибирску. Так в их прицелы Вебер и попал. Лучшие показатели в группе по «физухе», высокие показатели интеллекта, блестящая академическая подготовка по множеству видов вооружения, психологические показатели выше нормы. Он хорошо запомнил короткий разговор с вышколенным мужчиной в строгом костюме. В июле, сразу после выпускных экзаменов. Мужчина предложил будущее. Он предложил новую жизнь. Конечно, Вебер согласился, причем даже не советуясь с женой. И тут же поехал в Москву, проходить повторное собеседование, тесты и подписывать контракт...

Вышло совсем иначе, чем мечталось, и Илья себя за это не винил. И Светка не винила, что важнее. Потому что по-другому он поступить не мог. И не смог бы, даже получить второй шанс. Когда случился Инцидент, ему попросту *пришлось*. Бросать, бежать, рваться домой, к жене и дочке, так и не успевшим переехать к Веберу в Анклав. Защищать от непогоды, мародеров, сумасшедших адептов Апокалипсиса и опьяневших от волюшки казаков...

Да, добираться из Анклава в Сибирь было нелегко, особенно через охваченную хаосом и горем страну. Но он сумел, где-то на попутках, где-то на украденных лошадях, где-то пешком, благо опыт был. Дошел, добрался, домчался. Вовремя.

Официально он считался дезертиром. Попал наверняка во все мыслимые черные списки. Заслужил пятно на репутации и строку приговора в личное дело. Стал тем, кто не оправдал надежд. Но не пошел против себя, если это могло как-то греть... Да, «белой» работы ему отныне не найти, а потому Илья обрадовался неожиданному предложению, как ребенок. Увидел свет в конце тоннеля, как сказала бы теща.

Разумеется, всегда можно было пойти работать в полицию Сибирской Республики, а то и вовсе записаться в Боевую Армию Республики – с такими навыками и уровнем обучения Вебера бы там приняли с распростертыми. Подумать только, выпускник военной академии и кандидат в СБА Москвы, прошедший первый уровень экзаменов! Но он не захотел. Долго, почти год, перебивался разовой работой, то расчищая от завалов улицы Новосибирска, то вкалывая вышибалой в ночных кабаках. Пока его не заметил заказчик...

Имени его Илья не знал, да и не хотел. Ни пола не знал, ни возраста, ни социального положения. Выполнил одно поручение, не самое сложное, добыв на окраине столицы два системных блока с ценной информацией. Применил силу, но в меру, без излишеств, обойдясь дубинкой и электрошокером. Вернул трофеи, не задавая лишних вопросов. Получил деньги и благодарность нового начальства. А затем принялся раз за разом, не чаще задания в два-три месяца, получать аналогичные заказы.

Жизнь наладилась. Света не задавала лишних вопросов, стали покупать нормальные продукты, лекарства и одежду, отвели Веру в детский сад, куда попасть было сложнее, чем на

полигон «Наукома». Илья обзавелся кое-какими связями, получил неплохую «крышу» от возможного любопытства полиции. А сразу после Нового года вдруг узнал о новом предложении работодателя. Выгодном настолько, что еще год после этого мог бы поплевывать в потолок, планируя дальнейшую жизнь. Или, например, заплатить профессиональным ломщикам, чтобы переписали биографию...

Специальная программа, встроенная в «балалайку», известила, что через несколько минут он окажется в зоне покрытия орбитального спутника. Илья свернул фотографию семьи, взглянул в ночь. Она подступала, накатывалась холодным непроглядным одеялом, способным привести в ужас любого горожанина. Слушая уханье филина, Вебер ждал вызова.

Колокольчик, или Динь-Динь, как называла себя добрая сетевая фея, была единственным звеном, связывавшим Илью с таинственным заказчиком, так своевременно взявшим его под крыло. Машинист, причем хороший, она уже не раз демонстрировала способности столь же незаурядного ломщика. Вела, направляла, помогала. Когда Вебер отправился на север, в тайгу, она всё так же была рядом, при первой возможности выходя на связь. Как сейчас.

Вынув из непромокаемого чехла бrikет спутникового телефона, он с помощью психопривода подсоединил аппарат к затылку. Оценил емкость батареи, прикинув, что после сеанса придется подзаряжать телефон от ручной динамомашинки. Кстати, ломкой и прошивкой гаджета, ставшего незаменимым в современных условиях нестабильной сети, тоже занималась Колокольчик.

Вызов, ответ.

– Привет, Леший, – звонкий голос девушки прозвучал в голове, и Илья убавил громкость, чтобы не мешала контролировать ночной лес, временами небезопасный.

– Привет, Колокольчик, – негромко произнес он, машинально кивнув, будто машинистка могла его видеть. – Что нового?

– Да особенно ничего... Вот, на ГЭС запускают новый движок. Китайцы со своей железкой скоро войдут в Хакасию, ни дня не отдыхают, прямо как муравьи. Вижу, ты сделал крюк?

– Были причины, – ответил он. Про скитальца, чье логово невольно вскрыл, Илья до сих пор не рассказал. – Местность подтоплена, приходится петлять.

– Понятно, – легко согласилась машинистка, не вороша тему. – Как самочувствие?

– Вполне, держусь. Новости по проекту есть?

– Ты меня опередил. Нам удалось сузить круг, но на бочку меда не рассчитывай. Пятак ужасился до сотни квадратных километров, я уже заливаю обновленные данные в твою головушку.

– Ну, хоть что-то. – Он и не рассчитывал, что ему укажут цель с точностью до метра.

Взглянул в ночное небо, где среди звезд мерцала крохотная точка спутника, позволившего им вести этот разговор.

– Уверен, что если бы вы знали точное место, послали бы «вертушку».

– В точку, Леший. И еще...

Он ждал, не проявляя любопытства. Всё, что нужно, Колокольчик ему рано или поздно расскажет, так зачем лишний раз тревожить звуками голоса ночную чашу?

– Возможно, через семьдесят километров маршрут придется еще раз скорректировать. Если шеф подтвердит информацию о Куницах, объявившихся в твоих краях, двинешься через населенные пункты. Так безопаснее.

Вебер подумал про вооруженных нелюдей, населяющих сибирские леса, но смолчал и на этот раз.

– Ты имела в виду вымирающие деревни? – тихо поинтересовался он, одновременно загружая карту. – Это сможет помочь?

– Не совсем. – Девушка, казалось, сарказма не уловила. – Доберешься до Елогуя, спустишься до Енисея, дальше пойдешь вдоль него. Двести километров вдоль реки, затем снова

на запад, к этому времени мы постараемся еще сильнее сузить площадь поисков. Так что там почти сразу приступишь к работе. Если после этого информация о Куницах подтвердится, перед возвращением какое-то время отсидишься в Тайге. Слышал о такой?

– Да.

Кто же не слышал? Городок, в котором можно всё. Словно сошедший со страниц вестерна, он возник на одном из притоков Енисея, маня свободой и слухами о несметных богатствах, спрятанных под землей. Илья даже знал людей, бросавших дома в Новосибирске, только чтобы отправиться на негостеприимный север в поисках легкой наживы и лучшей жизни.

– Я озвучила самый бедовый вариант, – добавила Колокольчик, хотя это было и так понятно. – Если казачки и Остроухие не затеют новую войнушку, будешь двигаться прежним маршрутом...

«Если мне позволит скиталец...»

– ...и в Тайгу даже не заглянешь. Хотя я всё равно рекомендовала бы. Там можно основательно пополнить запасы. В случае чего, я постараюсь сделать так, чтобы тебя встретили.

– Спасибо, Динь-Динь. Еще что-то?

– Вроде нет, от шефа привет, – она усмехнулась, заканчивая традиционным: – Медведям поклон передавай.

– Непременно.

Спутник, подконтрольный ломщице, ушел, завершив сеанс связи. Равномерно разложив костер и нагретые камни, Вебер прикрыл костровище подготовленными пластами дерна. Бросив на теплую землю спальный мешок, заполз внутрь, кладя под голову пистолет. И почти сразу погрузился в тревожный, чуткий сон.

CREDITUM X

Провожали всем лагерем, и на том спасибо, уважили старшака. Без особых эмоций провожали, громких разговоров или напутствий, но таковых Митяй и не ждал. Точно был уверен, что в стоглавой толпе у ворот есть немало тех, кто благодарен ему. Искренне благодарен. В основном, конечно, это были маленькие девочки, но встречались и пацаны...

Напильник тоже молчал, хотя и было заметно, как порывается что-то сказать. А зачем? Директор и так сделал и сказал всё, что мог и должен. Жизнь, оставленная Митяю его интернатовским корешем, красноречиво это доказывала. Ведь казнить не приказал, хотя имел полное право, и то хорошо.

Уходить, конечно, было тяжело. Все-таки за прошедшие месяцы лагерь стал настоящим домом, надежным и сытным, в котором они совместно, день за днем строили свое будущее. Было печально оставлять девчонок, с которыми так и не лег на кровать, редких приятелей, с которыми изредка болтал ни о чем, ребят-охотников, буквально поклонявшихся его чутью. И Алексея с Дашей, выплакавших все слезы...

Мальчик и молчаливая девчонка, успевшая познать настоящую звериную жестокость на восьмом году жизни, стояли в первых рядах. Даша ревела, беззвучно и горестно, не сводя с заступника блестящих зеленых глазенок.

Алексей старался держаться мужчиной, но получалось не очень. Неподвижный, он до изморози в пальцах прижимал к груди прощальный сувенир уходящего старшака. Митяю было обидно прощаться с книгой, но он отлично понимал, что брать обузу в путешествие – идея не из лучших. А потому отдавал истрепанный томик сочинений Конан Дойла без лишних переживаний.

Вручать книгу было непросто, он даже не помнил, что пробубнил, заставив мальчишку взять сверток. Кажется, что-то нарочито грубое. А потом Лёшка развернул тряпку, увидел, прочитал, загорелся, и Митяю неожиданно стало стыдно. За весь этот недобрый мир, за редкие крупинцы тепла, которые им всем приходилось вылавливать, как золотой песок в ручье. Ему стало неловко, неуютно, некомфортно, и он не придумал ничего лучше, как выставить обомлевшего мальчугана за порог, довольно резко захлопнув дверь...

Но и мучительных терзаний в своей душе Митяй не находил, радуясь легкому опустошению, переполнявшему все последние дни. С этим невесомым чувством парнишка возвращался из карцера, собирал рюкзак, прятал украдкой принесенные Юлькой съестные припасы, убирал в тайник оставшиеся книги, чтобы не достались на самокрутки.

Да, ему придется начать всё сначала. Начать, как сделали они тем жарким летом, повернувшим знакомый мир вверх тормашками. Но жизнь состоит именно из такого круговорота событий, заставляющих нас подниматься всё выше и выше. Только вот знать бы, куда?..

– Бывай, Димка. – Директор, с неразлучным «Ураганом» на плече, стоял чуть поодаль от толпы. За его спиной с трудом сдерживали ликование Беяш и Косила. – Вернуться не пытайся, лады?

– Лады.

– Вот, епта... – директор всё же не сдержался, шагнул к нему. Сначала Митяй думал, что приятель хочет пожать руку, но тот что-то протянул. – Бери, чтоб не пропасть. Собаку бы еще дал, но двоим прокормиться труднее, сам знаешь.

Развернув промасленную тряпицу, Митяй уставился на подарок. Многозначительно покачал головой, вопросительно взглянул на Напильника. Но тот спешно отвернулся, изучая клетки лагерной псарни.

Второй бесценный подарок за прошедшую неделю. После оставленной жизни не менее важный по значимости. На ладони Митяя лежал потертый увесистый «дыродел» с полным магазином.

– Прячь, епта, пока шакалы не увидели, – сквозь зубы прошипел директор. – На говно же потом изойдут, сам знаешь...

– Спасибо, Толян. – Митяй торопливо убрал сверток в рюкзак. – Век не забуду.

– Ага, епта... А теперь это... ты иди, ладно?

– Конечно.

Митяй повернулся, махнув пацанам на воротной башне. Тявкнул сидящий на цепи Лорд, его голос подхватили другие псы, на которых даже пришлось кричать, чтобы заткнулись. Этим с удовольствием занялся Косила, с ненужным рвением разогнавший зверей обратно по железным будкам.

Теоретически, изгнанник уже не имел права командовать гарнизоном Кропоткина, но из старшаков не пискнул никто, даже Беляш. Парни сверху увидели жест, взяли за ворот лебедки, и металлическая створка поползла в сторону по добротнo смазанным полозьям. Тоже своего рода жест – могли бы и через калитку выпустить, но нет – почти полностью отворили...

Митяй не стал прощаться, развернулся и вышел прочь, провожаемый сотней взглядов. Там, в толпе, он точно это знал, среди них были благодарные, очень благодарные. Особенно двое, ради которых всё и произошло...

...Когда втягивался в «разговор», еще не совсем точно представлял, чем закончит и как будет действовать. Просто шел к Клёпе через площадь, стараясь не кривиться от его поганой ухмылки. А тот, словно зверь, всё уловил сразу, по каким-то самым незначительным признакам.

– Не надо, Митяй. – Старшак шагнул в сторону, стараясь держаться подальше от света фонарей. – Не дури.

Он ничего не ответил Клёпе, не пожелал говорить с мразью. Да и нечего было, раз тот уже и сам всё понял.

Митяй ударил первым, стремительно и спешно, как привык за многолетнюю практику. Сделал обманное движение рукой, ногой выстрелив прямо в пах противника. Но Клёпа тоже не был комнатным растением, свои мерзкие привычки добывая на улицах, в подворотнях и камерах колоний. Увернулся змеей, успел хлестнуть по уху, почти сбил с толку, а потом нацелился в печень.

Его удар Митяй отвел, рванулся вперед, сократил дистанцию, вцепился в шею, быстро сунул пару раз в бочину. Клёпа всхлипнул, попытался вывернуться, не сумел. Обманчиво обмяк, но тут же развернулся пружиной, выбросил вперед пальцы, метаясь в глаза. Почти попал, оцарапав щеку, но следом получил два коротких хука в висок. Теперь обмяк по-настоящему, почти упал, но Митяй не позволил.

Подхватил в зажим, начал душить.

Вовремя заметил сверкнувшую в полумраке заточку, отшвырнул противника на асфальт, добавил вдогонку ногой, но пинок получился слабым, смазанным. Клёпа извернулся, снова оказавшись к нему лицом и в полный рост. С разбитой брови капала кровь, идиотская улыбка исчезла с лица, в глазах зажглись недобрые светлячки. Покачивая ножиком, он мягко двинулся вперед.

– Бляха-муха, Митяй, я же просил... – до этого дрались молча, только пыхтя и охая, и теперь негромкий голос извращенца, казалось, натурально прогремел на весь плац. – Уверен, что хочешь этого? Или, лошара, сам не можешь, так завидно?..

И во второй раз Митяй ничего не ответил. С легкостью ушел от пробного, размашистого и широкого удара, сдал на пару шагов назад. Рука юркнула за пояс, нащупала нож – один из двух армейских, найденных на телах самоубийц. Настоящий меч против самодельной заточки.

Потом долго кружили по пустырю за кухонным блоком, это Митяй запомнил хорошо. Выжидали, примерялись. В какой-то миг он даже подумал, что драку сейчас обнаружат и поднимут тревогу, чтобы разнять сцепившихся, но всё произошло слишком быстро, чтобы заметили стражники или даже собаки.

Клёпа рискнул первым, атакуя комбинацией из нескольких уверенных ударов. Но Митяй оказался быстрее. Опытнее. Злее. Он выжил и победил, дав выход всему черному, что скопилось внутри.

Ушел в сторону, увернулся от выпадов, позволил лезвию противника полоснуть по рукаву куртки. А затем ударил один раз, но очень сильно и метко, вспоров горло Клёпы от правой ключицы до левой скулы. Булькая и пытаясь сжать расползающуюся плоть, тот еще немного пошатался. Сделал неуверенный шаг, еще один, а затем упал лицом вперед в грязную лужу, уже начинавшую подмерзать с краев...

Напильник сначала обезумел. Кричал, всё порывался схватиться за автомат. Успокаивали сразу всеми старшаками, переполошили половину лагеря. Разумеется, директор знал о пагубных привычках помощника, но убийство своего, кропоткинца, было одним из самых страшных преступлений в его крохотной детской империи. Митяй, сидящий на стуле напротив другана, равнодушно ожидал расправы. Сам ведь пришел сознаться, ничего не скрыл, а ведь мог бы за ограду – и ищи ветра в поле.

Директор это, в конце концов, признал и осознал. Правда, к тому времени убийца Клёпы почти три дня провел в холодном карцере, но это ничего. Еще и не в таких местах приходилось ночки коротать, Митяй был привычным. Да и доброжелатели помогли...

А затем директор рассудил единственно возможным способом.

Изгнание.

Навсегда, без права возвращения. На произвол жестокой судьбы, на все четыре стороны, с минимумом вещей и жратвы, без оружия и лекарств. Ан нет, не выдержало в итоге сердце, вот какой подарок сделал...

Митяй услышал, как за спиной закрываются ворота. Посмотрел в неприветливое небо, готовое разродиться то ли дождем, то ли мокрым снегом. И зашагал от Кропоткина прочь, еще не очень представляя, куда держать путь.

CREDITUM XI

Давно, очень давно они жили своим укладом. При необходимости Варвара могла бы вспомнить всех своих прародительниц до двадцатого колена, так давно это началось. Жили в глуши, выбираясь в большие села и города только для того, чтобы найти себе мужчину, дарящего семья. А затем возвращались, храня под сердцем новую звездочку, яркую и сильную. Живое тепло, идущее по стопам всех женщин их рода.

Именно благодаря этому образу существования Варя и не понимала, почему пару зим назад люди вдруг стали делить свою жизнь на две половины. Проводить глубокую, как борона, черту, отделяя то, что было *раньше*, от того, что стало *сейчас*.

Да, конечно, лес-батюшка вздрогнул, сотрясся, роняя могучие сосны и вставая на дыбы норовистым жеребцом. Вспухли новые сопки, кое-где земля просела низко-низко, изломавшись и растрескавшись. Появились новые речки, горячие источники, в которых так хорошо купаться или стирать одежду. Но и это не стало для женщин отправной точкой, за которой жизнь вдруг превращалась в лютого врага. Этой точкой стало раннее утро, когда бабушка обманула ее, выпроводив из дома, отправив на проклятую Кривую Косу, на которой и посылка-то не ждала...

Вот тогда всё изменилось. Прорвало привычный ход вещей, навсегда перечеркнуло прошлое. Вышвырнуло на берег, будто рыбину, по первости заставляя жадно глотать чужеродный воздух, сжимая сердце в болезненный комочек. И плакать, плакать беспрерывно, пока не высохло тело.

Это утро Варвара не забудет никогда, пройди еще хоть сто зим. Не забудет, как бабка спасла ее, углядев беспощадное зло в наступающем рассвете.

Сейчас, сидя на поваленном бревне и замороженно глядя на просеку для саней и вездеходов, Варя снова и снова вспоминала тот день. Опустошенная, одинокая, раздавленная в лепешку...

О том, что ее обманули и что-то *не так*, она поняла за пару верст от дома, уже вышагивая по таежной тропке. Шла уверенно, привычно, мысленно беседуя с окружающим лесом и делаясь с ним последними новостями. Он-то и намекнул, что близится неладное. Мелькнула тревожно белка, застрекотала сорока, и девушка – дивной красоты девушка, не прожившая на безгрешной земле и восемнадцати зим, вдруг встала как вкопанная.

Глаза ее распахнулись, дыхание прервалось, рот приоткрылся. Варвара обернулась, как будто могла рассмотреть их скрытый дом через стены темно-бурых великанов, обступивших тропу. А затем побежала обратно, уже не заботясь о том, как сохранить силы или не стоптать подошвы.

О том, что ничего не сможет поделать, поняла чуть позже, когда добралась. Тогда же хлестнула жгучая мысль, что нужно прятаться, иначе заступничество Любавы будет напрасным. Она ясно услышала ее низкий голос, спокойный, но строгий.

– Стой, внучка. Прячься, миленькая, всё будет хорошо...

И зайцем нырнула в кусты, припадая к твердой заиндевевшей земле.

Вездеходов было два. Судя по отвратительному запаху и маслянисто-черному дыму, коптящему воздух над избой, работали машины на дерьме. Таким же оказалось и содержимое.

Один за другим два компактных «Пионера» вкатились на пятак, условно считавшийся внутренним двориком. С ревом, гулом и струями дыма. С гиканьем людей, высывающихся из приоткрытых окон. Машины были модернизированы, но грубо, топорно, абы как. Наваренные со всех сторон листы жести превращали вездеходы в боевую технику, защищая пассажиров от пуль, поручни и сиденья позволяли желающим ехать прямо на крыше.

Перепахали двор, крутанувшись на месте, сломали заборы и прыснули вооруженными, по-хозяйски спрыгивавшими с высоких зубастых гусениц. Мужчин была дюжина, все с ружьями или арбалетами. А еще, что отныне заставляло Варю до ломоты стискивать зубы, поражаясь гнилости душ и сердец, там были две женщины. Тоже вооруженные, в удобной походной одежде, они олицетворяли для Варвары образ нового, ранее незнакомого ей мира. Жестокого, бесполого, коварного и не имеющего никаких якорей или правил.

Любава вышла к непрошеным гостям спокойная и улыбчивая, вытирающая мокрые руки подолом передника. Знала, предчувствовала, как это было заведено издавна, а потому и не пыталась укрыться от судьбы. Пусть и такой недоброй.

Старушка встала на крыльце, такая сухая и крохотная, но еще крепкая и готовая ко всему. Взглянула на восток, куда отправила внученьку, но взгляд спрятала, чтобы ненароком не догадались... Интересно, почуяла, что внучка близко, в нескольких сотнях шагов?

Хозяйка заимки что-то спросила у пришлых, негромко и вежливо, как и прожила жизнь.

Ей ответил самый высокий, которого Варя сразу записала в вожаки. Именно за его спиной толпились, переминаясь с ноги на ногу, еще четверо, включая женщин. Остальные же, с любопытством осматриваясь, разбрелись по двору. Один открыл кривенькую дверь сарая, загремев инструментами, а еще трое расхлябанной походкой направились к коровнику.

Варвара закусила губу, совсем не чувствуя слез, катящихся по лицу. Тем проклятым утром она еще не оставляла надежды, что бабушка Люба сумеет договориться с лихими людишками. Зашептать, после чего те уйдут и всё останется, как прежде...

Любава покачала головой, словно сетуя на неразумность гостя, и задала новый вопрос. Вожак что-то сказал, отчего шайка захохотала так, что услышала даже Варя в своем укрытии. После этого шагнул вперед, отталкивая старуху с дороги, и бесцеремонно прошел в дом. Четверо последовали за ним, причем одна из женщин добавила бабке тычка, чтобы не мешалась.

Теперь Варя рыдала почти в голос, даже не опасаясь, что ее могут заметить. На губах оставались отметины, назавтра налившиеся настоящими кровоподтеками, но девчонке было наплевать. Не в силах смотреть, но и не в состоянии отвести взгляда, она наблюдала за тем, как рушится ее привычная жизнь.

Двое бандитов, над чем-то посмеиваясь, выводили из пристройки верную Ластенку. Корова чуяла недоброе, мотала головой и жалобно, с каким-то незнакомым ранее надрывом мычала, упираясь всеми ногами. Следом появились еще несколько мужчин, держащие под мышками кормилец-квохтушек, а последний нес коробку с яйцами.

Мелькнула мысль, что теперь жить станет труднее. Многим труднее. Может быть, и совсем не жить, если к зиме на хуторке не появятся новые звери. Варвара наблюдала, как бандиты уводят скотину, позволявшую им выживать, и машинально, почти не цепляясь за печальные мысли, раздумывала о том, что придется просить помощи деревенских. Ну да ничего, лето на носу, что-то придумают, главное – не унывать, да и лес всегда поможет...

Любава кинулась на чужаков, когда мужики принялись скручивать головы кур. Ухватила лопату, стоявшую возле входа в дом, ту самую, которой еще совсем недавно убирала со двора снег, обнажая пятак для весеннего солнца. А потом всё произошло так быстро, что Варвара не успела даже вскрикнуть.

Бабушка с немыслимой для своего возраста прытью подскочила к ближайшему бандиту, забросившему ружье за спину. Широко размахнулась и впечатала деревянный штык прямо в удивленную рожу, покрытую язвами. Что-то хрустнуло, словно об колено ветку переломили, на черенок брызнуло красным, и мужик завалился на спину, хватаясь за лицо.

А затем щелкнул выстрел, один-единственный, но такой громкий... После которого наступила тишина. Полная, крошечная тишина, окутавшая оцепеневшую Варвару ватным одеялом, отрезавшая даже звуки любимого леса, не сумевшего защитить...

Любаве выстрелили в затылок, и сделал это сам вожак, показавшийся на крыльце. Грабители высыпали на улицу, и девочка заметила в чужих руках нехитрый скарб, которым была богата их изба. Убирая пистолет в набедренную кобуру, вожак отшвырнул в сторону свою драгую шапку, примеряя обновку. С полнейшим безразличием Варя увидела, что это ее собственный малахай, не раз берегавший уши в самый лютый мороз.

К раненому бандиту подошли двое, притащили аптечку, принялись обрабатывать рану. На лежащую посреди двора женщину с пробитым затылком никто даже не смотрел. Уже потом Варвара думала, что так и должно было остаться. Бандиты должны были забрать скот и птицу, выпотрошить сундуки и подпол, а бабушку оставить там, где и убили. Оставить, чтобы Варвара смогла похоронить, попрощаться, сказать последние слова... Всё произошло совсем иначе, и в отношении Любавы у бандитов, увы, тоже имелись свои планы.

Окаменев, не чувствуя ни рук, ни ног, девушка просидела в своем укрытии почти до вечера. То, что она видела, навсегда отпечаталось в ее памяти, чуть не сведя с ума. Осталось выжжено на сетчатке глаза, как это себе делают люди из городов и Анклавов. Засело в сердце огромной каленой иглой...

Как оказалось, лесные бандиты не собирались уводить Ластенку с собой, как подумалось вначале. Растащив небогатые поленницы, найденные в сених и за домом, они развели перед избой огромный костер, на который установили сразу три закопченных котла. Затем закололи буренку, наперво привязав к вездеходам, и принялись свежевать тушу. Когда всё было готово, чужаки принялись варить тушенку, вялить и солить. Экономно, бережливо, стараясь не израсходовать попусту ни один кусок мяса или потрохов. В том числе и человеческих.

Варвара помнила, что бабушку разделявали трое, в том числе одна из женщин. А вот когда пыталась восстановить в памяти картину, сознание услужливо размывало всё до непрозрачности, пряча жуткие образы подальше, как это было в повторяющемся кошмаре девушки.

Чужаки управились за пару часов, прямо в котлах смешав несколько видов мяса, кости тоже сожгли вперемешку. Обезумевшая Варвара, замшелым камнем просидевшая в кустах почти двадцать часов, видела каждую деталь процесса готовки, улыбки на довольных лицах добытчиков и слышала запах варева, от которого ее дважды болезненно рвало желчью.

Она пыталась отвернуться, но не могла. Хотела выйти к этим ужасным людям и попросить убить ее, причем дважды просить бы не пришлось, – но не могла встать, вспоминая о поступке Любавы. Тогда пробовала смотреть внимательно, насилая себя зрелищем, подмечая любые подробности, чтобы перегруженное шоком сознание потухло, погрузилось во мрак, – не выходило. Несколько раз порывалась покинуть укрытие, вернувшись в тайгу, но оказалась не способна и на это. Что-то паскудное, червивое и липкое в светлой девчачьей душе требовало досмотреть до конца. Увидеть, как в ее прошлой жизни будет поставлена точка, жирная и неоспоримая.

Она досмотрела. Все-таки проваливаясь в короткие обмороки, но приходя в себя и снова наблюдая за убийцами. Досмотрела, всё это время мысленно прося прощения у бабы Любы. И столь же горячо благодаря ее за свой обман, не позволивший им *правильно* проститься.

Когда тушенка была готова, ее закатали по десяткам пустых банок, заботливо хранящихся в багажниках «Пионеров». Сгрузив мешки с грабленным добром и свежей солониной, бандиты покинули хутор. Подожгли дом, бросив всё, что не посчитали нужным, и уехали, коптя вечернее небо струями ядовито-черного дыма.

Всё это произошло невесть сколько дней назад. Всё это произошло только что, сию секунду, так свежи были образы. А теперь она одна, совсем одна идет через ставший мрачным лес, даже не представляя, куда ведут ноги.

Лес, конечно, не выдаст. И накормит, если будет нужно, и напоит, и спать уложит в теплый ельник. Но ради чего? Что теперь делать ей, одинокой девочке, на глазах которой убили единственного близкого человека? Убили ради того, чтобы съесть.

Ничего, способного пригодиться ей в странствии, девушка на пепелище не нашла. Да и не нужно было в общем-то. Любава чувствовала, знала, готовилась. А потому собрала свою внучку в дорогу, спрятав в вещевой узел всё, что посчитала нужным или ценным. Еда на несколько дней, фляга, спички и соль, какая-то одежда и небогатая казна, что хранилась у женщин-отшельников для торговли с деревенскими. И еще фамильные ценности, передававшиеся из поколения в поколение. Небольшой охотничий клинок с костяной рукояткой и латунными набойками. В тертых кожаных ножнах, украшенных медвежьими зубами, – добрый нож. И матрешку на девять куколок, безумно старую и истертую, но всё еще яркую рисунком.

Выбравшись из развалин, Варвара заглянула на кладбище. Родовое, секретное, в сотне шагов по особой тропе. Нельзя покидать дом, не попрощавшись с родней... Ряд из десятка холмиков, хранивших пепел женщин ее рода, молчал, так ничего девушке не посоветовав. Бабушка, да и внучка никогда не присоединятся к своим предкам – сначала в огне, а после в старинной земле. Всё, что осталось в ее власти, – прикопать горсть пепла, в котором смешались смерти человека и животного...

Сначала Варя думала пойти к деревенским. Рассказать, как всё произошло, и просить помощи. Конечно, сейчас у любого «хата с краю», так было всегда и стало еще более демонстративно за последние пару зим. Но ведь не прогонят же в лес бездомную девку, способную помогать людям?

Но до ближайшей деревни, когда-то носившей название Антоновки, она так и не добралась. Свернула на нехоженные тропы, передумав. Не могла сказать точно, чем руководствовалась, страхом или стыдом, но к людям не захотела. Их семья, считавшаяся ведьмовской и безумной для любого постороннего, всегда относилась к чужакам настороженно. Встреча с бандитами многократно усилила материнские рассказы о работорговле, людоедстве и человеческом коварстве.

Поэтому пошла в лес, прося у него защиты и пропитания. Тратила провизию экономно, бережливо, пусть только крошками, но обязательно разделяя трапезу с тайгой, да еще заговаривая добрым словом.

И тайга ответила, она не могла смолчать. Тайга никогда не была злой, опасной или подлой. Никогда не была способной прикончить просто так, обмануть, завести в ловушку. Только не Варвару...

Конечно, убивали и тут. Сильный охотился на слабого, пожирая его. Немошный или калечный погибал почти сразу, раненый почти не имел шансов на выживание, так что мягкостью нравов лес похвастать не мог. Волки, медведи, росوماхи, рыси, лисицы да новое ужасное зверье, раньше никогда не водившееся в сибирских лесах, – все они были опасными соседями, способными на расправу быструю и болезненную.

Но древние чащи жили по своим простым законам, которые Варя умела почитать. Жили по законам, нарушить которые мог только человек, самое непредсказуемое и опасное существо из всех живущих. Существо, изначально не умеющее ничего почитать...

На Сибирь со всех сторон наступала весна. Длинные снежные языки еще белели в низинах, куда не могло добраться солнце, но на взгорках и полянах земля открылась, медленно прогреваясь. Иногда шли дожди, но короткие, даже не успевавшие намесить грязи. Один раз ночью выпал тонкий слой снега, растаявший уже на рассвете.

Тропы сами стелились под ноги, доводя то до горячего источника, то до ледяного родника. Еще через несколько дней нашла беличье гнездо, запущенное хозяином, но так и не обнаруженное его сородичами. В дупле оказалось вдоволь орехов и сухих ягод, которых Варя набрала с молчаливого позволения деревьев. Еще через день наткнулась на тушку зайца, по какой-то причине не тронутую убитым зверьком волком. Однако от этого подарка пришлось отказаться – один вид мяса сразу вызывал в памяти такие картины, что желудок выворачивался послушной наволочкой. Поблагодарив, Варя оставила тушку на месте, двинувшись дальше.

Рысь, вышедшая на охоту и встреченная ею под вечер следующего дня, только проводила девушку взглядом сверкающих глаз. Хищница была напряжена и заметно нервничала, скаля клыки. Но напасть всё же не посмела, пропустив без преград. Варвара объяснила ей всё, как смогла, убедив, что остроухая добытчица сможет найти себе другую жертву. Поблагодарила, безбоязненно повернувшись спиной.

Хищник, живущий по законам, не страшен. Страшен тот, кого нельзя предсказать. А поэтому девушка с ужасом представляла себе день, когда ей придется нос к носу столкнуться с самым опасным чудовищем, населявшим сибирские земли. Она до дрожи в коленях боялась дня, когда, рано или поздно, ноги вынесут ее ко встрече со своими сородичами...

CREDITUM XII

«...именно поэтому официальный Санкт-Петербург снова и снова подчеркивает, что не готов к силовому решению вопроса. Вспомните, что сказал Президент на прошлой неделе? Он сказал, что в переговорах с сибирскими регионами наверняка найдутся пути конструктивного и, подчеркиваю, политического решения возникших проблем. И что «Звездный путь», прокладываемый китайцами через Сибирь, еще послужит стратегическим интересам страны. Какой из этого можно сделать вывод? Что у главы нашего государства есть рычаги воздействия на бунтовщиков, причем отнюдь не ракетные. Почему он не пользуется ими сейчас? Ответов может быть сотня. Взгляните, во что превратилась наша армия после Инцидента? Взгляните, что стало с инфраструктурой, с дорогами и линиями снабжения... Посмотрите, как стремительно увеличивается география и зона влияния Анклава Москва. Я, может быть, не до конца придерживаюсь этой точки зрения, но большинство моих коллег считает, что нападение на Сибирь сегодня, вот прямо сейчас, равносильно гибельным агрессиям диктаторов прошлого, сломавшим о Русскую землю не один зуб...»

Ростислав безразлично сморщил нос, выключая телевизионную панель. Они сколько угодно могут болтать о том, что вопрос с непокорной Республикой будет решен без применения силы, потому что *знают, как*. Единственная причина, очевидная любому умному человеку, – страна еще не оправилась. А без сибирских заводов, людских ресурсов, налогов и полезных ископаемых не оправится еще долго. Сейчас, злобно поглядывающие друг на друга, Сибирь и вся остальная Россия начали гонку по восстановлению потенциалов, и кто первым эту гонку победно завершит, тот и станет диктовать условия.

Как бы дико это ни звучало, но отдельную благодарность Ростислав возносил и Мертвому. После случившегося на Станции доктор Кауфман, казалось, решил радикально преобразить Анклав. Расширял сферу влияния, физически увеличивал географию. Теперь Москва – уже не обычная корпоративная крепость на теле страны. Отныне она – гигантский фильтр, через который на Станцию стекаются людские реки паломников «Наукома». Пока Россия не решит, как реагировать на неумную активность Мертвого, начала внезапных боевых действий можно не ждать...

Ростислав взглянул на свое отражение в темном экране погасшего телевизора. В общем-то, подобные аналитические передачи, состоящие из пропаганды и намеков на суицидальность отделения, льстили Гилярову. Они раз за разом доказывали, что выбранная им и его кабинетом политика верна, а новая беда еще не торопится дышать в затылок. Однако передача мешала, отвлекала от переговоров и размышлений, а потому он прервал эксперта по внешней политике на самом интересном месте.

– Что говоришь? Да отвлекли тут меня, повтори-ка последние две цифры! Ага, понял.

Вести государственные дела из мобиля было не очень удобно. Сеть опять упала, поднять ее машинисты администрации обещали не раньше чем через пару часов. Пока же приходилось управляться сразу с двумя спутниковыми коммуникаторами «Наукома», от руки делая рабочие пометки в планшетном ежедневнике.

– Нет, я понимаю. А должно быть четыре сотни, понимаешь? Вот чтобы нашел! Излишки убирай, да под замок. Охрану из казачков выставь. Хоть одна тонна пропадет к зиме, шкуру спущу, ясно? Всё, действуй...

За окнами кортежа плавно обновлял пейзажи Новосибирск, но в этот раз Ростислав почти не обращал внимания на штанги подъемных кранов, дорожную технику или десятки рабочих, продолжавших восстанавливать город. С каждым новым весенним днем, более и более теплым и пригожим, забот становилось всё больше, заваливая с головой.

Однако яркие, украшенные лентами и голографическими открытками мобили его интерес всё же вызвали. Свадебный кортеж катил навстречу, сигналил шумно, весело, громко. Ростислав заметил центральную машину с невестой, высунувшейся в открытое окно, несмотря на морозец. Раскрасневшаяся от счастья и вина, она улыбалась, маша рукой проезжающим мимо водителям. Из верхнего люка выглядывали жених и свидетель, тоже опьяненные, с развевающимися по ветру галстуками. Свадьба – это хорошо. Возвращается привычная жизнь, как заведено было веками. К слову, позавчера Президент встречал похожий кортеж. Значит, не замерла жизнь столицы...

Но свадьба укатила, а насущные дела навалились с новым азартом. Продолжая принимать отчеты и выдавать распоряжения по коммуникатору, Гиляров даже не заметил, как мобили вкатились на третий, самый высотный ярус Каменской магистрали. «Умели же строить в прошлом», обычно думал в этом месте он, рассматривая треснувшие, но устоявшие опоры...

Вдруг вернувшись мыслями в далекий августовский день, Ростислав даже отложил планшет. Вспоминать было тяжело, страшно, от этого сразу холодели ладони и на лбу выступала испарина, но иногда Президент Сибири намеренно заставлял себя в красках восстановить, как это было. Увидеть, чтобы в обновленной яркости ощутить, какую ответственность отныне несет за выживших.

Тряхнуло, конечно, в первую очередь в Кемеровском посаде, до Новосибирска докатилось волной, ударило эхом с юга. И если Кузбасс или Алтай, стоявшие на сейсмоопасных плитах, фактически перестали существовать как провинции, то главному сибирскому городу повезло куда больше. Конечно, плотина, построенная чуть выше мегаполиса, вытерпела не все удары, но по сравнению с бедствиями того же Красноярска наводнение было сущим пустяком.

После потопа полыхнули пожары. За ними – паника и мародеры. Счет жертв пошел на тысячи. Обвалились главные символы города – Оперный театр и деловой небоскреб «Богатство Сибири». Сеть рухнула, как боксер после нокаута. Из пяти городских мостов через Обь уцелели только три, самые современные. Службы спасения сбились с ног, в гибнущий город вошли войска.

Хаос, зародившийся на Кольском полуострове, ударил бездумно, дико, с яростью первобытной стихии. А еще чуть позже здесь вдруг поняли, что помощи от федеральных центров ждать не придется, ведь там масштабы катастрофы не шли ни в какое сравнение с местными.

Сколько Ростислав ни терзал память, никак не мог припомнить, кто первым предложил полагаться только на свои силы. Фамилии тех, кто уже через месяц после Инцидента подтолкнул его к решению и дальше двигаться в одиночку. Его замы, какие-то военные, безопасники и верхолазы – их было немало. Завертелось, закрутилось, умылось кровью бандитов и тех, кто хотел поживиться на человеческом горе. И когда центр всё же проснулся, пытаясь подсчитать ущерб, они уже осмелились...

– Мы не можем их не впускать! – батарея в коммуникаторе нагрелась от постоянной работы, грозясь вот-вот иссякнуть. – Чипуйте всех. Да, вскрывайте резервные хранилища, пусть атаман Кудрявцев лично распорядится, но впускайте всех. Ты пойми, Иваныч, что, если мы им откажем, они же снова уйдут в леса. Тебе вот нужно, чтобы к следующей зиме у Куниц появились новые отряды? И мне не нужно! Все, я сказал! Выдать памятки с законами, вшить «пилюли» и впускать. У нас не Анклав какой-нибудь, чтобы стеной отгораживаться... Да ты же сам мне к осени спасибо скажешь за эти тысячи рабочих рук. Всё, исполняйте.

Гиляров взял в руки второй аппарат, потренькивающий вызовом. Важным вызовом, одним из самых ценных в жизни.

– Да, милая. Всё в порядке, работаю. Да перестань ты, другим хуже. Хорошо, обещаю... Как дети? Ну, Семену привет, пусть не скучает. Да, если получится, сегодня пораньше. Видела уже? Ну и как? Купол почти закончили, к концу лета восстановим, да. А ты отвечай своим дурам, что восстановить театр многим важнее, чем тепловую сеть. Да, прямо так и говори.

Это ж символ, как твои подруги не понимают? Скажи, это мои слова, да. Символы людям помогали выживать и в более тяжелые времена. Кто? Пусть покупает, да. Ну, всё, солнышко, – он вчитался в список вызовов на первом коммуникаторе, – мне работать пора. Детей поцелуй.

Иногда он ощущал себя чудищем. Настоящим чудовищем, не имеющим права топтать землю. Особенно когда сам целовал младшеньких, укладывая их спать. Старался улыбаться, смотреть ласково, а у самого на сердце скребли железными когтями дикие звери, напоминающие о поставках на север. Тогда он снова и снова приказывал себе вспомнить о долге, о миллионах сибиряков, о лежащей в руинах станции под Северском. И загонял совесть поглубже, где ее никто не сможет разбудить.

Даже он сам.

Даже собственные дети.

«О Аллах, Царь в День Воздаяния. Лишь тебе поклоняемся и просим о помощи. Веди нас по прямому пути, а не дорогой заблудших...»

– Хорошо, пусть выполняют. Нет, Троллейный не трогать, а Северо-Западный пусть разбирают. Да, полный демонтаж, до последней трубы и мотка кабеля. Остались? Казаков туда, пусть силой выселяют, нам еще эпидемии не хватало... Валера, ну ты что, в конце концов?! Я-то почему должен такие мелочи контролировать? Может, мне еще самому поехать трубы выкапывать и на новый монтаж везти? Не беси меня, ладно? Да, мое распоряжение, Кудрявцев с Бугаевым подтвердят...

Кортеж приблизился к зданию Сибирского Правительства и Думы, где и до Инцидента заседал наместник Гиляров и региональный парламент. Мобили охраны уже парковались во внутреннем дворе, безы высыпали из них, как горох из стручков, но сам Ростислав покидать машину не спешил.

Развернул экран встроенного в салон коммуникатора, отгородился от водителя дополнительным щитом, имевшим тончайшее нанопокрытие. Только после этого ответил на новый вызов.

– Ростислав Михайлович, аналитика закончена, – вместо приветствия произнес сухощавый старик, сидящий перед камерой коммуникатора в неудобном лабораторном кресле.

– И тебе не болеть, Львович. – Ученый на экране был одним из немногих людей на планете, способных позволить запанибратство в отношении Президента Сибирской Республики. – Давай только кратенько, у меня кабинет министров через пятнадцать минут.

– Прости, Михалыч, старика, совсем закрутился. Здравствуй и ты, – Семен Львович запоздало улыбнулся, хотя больше напоминало дегустацию кислых слив. Ростислав не обиделся, потому что профессор всегда выглядел именно так – мрачным мизантропом, которому еще и наступили на ногу. – Рассусоливать не буду.

– Ну, тогда рассказывай...

Они были на «ты» давно, так повелось еще в *старом* мире, заживо прогнивавшем и с надеждой смотревшем в рот корпорациям. Он – наместник регионов Западной Сибири, и Семен Львович Пономаренко, академик, настоящий гений и директор Наукограда, мостившегося под боком Новосибирска.

Золотой, бриллиантовый Пономаренко, один из редких самородков отечественной науки, так и не утекший под крыло корпораций. Не променявший родной Академгородок на манящие теплом Анклавы. Терпевший от родной страны лишения, притеснения, недостаточное признание и не самое богатое существование семьи. Но не уехавший, а оттого заслуживший настоящее уважение Гилярова. Уважение и, если так можно сказать, дружбу. К которой сегодня добавился проект, повязавший обоих на крови. Проект, которому они были готовы продать свои черствые циничные души...

– Наши коллеги не будут делиться секретами, найденными в лаборатории, – сразу, без лишних предисловий, начал старик. – Мой отдел анализа изучил данные, присланные тобой.

Прогнали на мощных машинах, подключили психологов. Учитывая время, стиль ведения переговоров и множество сопутствующих факторов.

– Это что же? – Гиляров задумался, вдруг осознав, что особенно и не удивлен. – Они хотят нас обмануть?

– Не совсем, – с лишней резкостью ответил Семен Львович, постучав по горбатуму носу кончиком пальца. – Проект они, по нашим предположениям, завершат. Всё необходимое... оборудование, образцы и технологии предоставят. Но вот дальше договоренности будут нарушены, это мои психологи предсказывают с вероятностью в 81%.

– Ясно... – протянул Ростислав. – Понял, буду думать. Как там у тебя вообще?

– Да неважно, – старик опять скривился, на этот раз совсем не в улыбке. – Людей не хватает, четвертый цех сдадим не раньше мая...

– Будут тебе люди, я похлопочу, – прищурившись, пообещал Гиляров. – Сегодня же похлопочу, с тобой Тимирязев свяжется.

– Было бы нелишним. Это всё, Ростислав Михайлович, не смею более тебя задерживать...

Связь отключилась еще до того, как Президент успел попрощаться. Вздохнул, покачал головой. Как и в Новосибирске или регионе вообще, восстановление порушенного у Пономаренко шло слишком медленно. Но город обязательно выделит людей, даже если для этого придется снимать бригады со строительства дорог или жилья.

Глупцом был тот, кто неверно оценивал потенциал Наукограда. Особенно сейчас, когда все его разработки оставались в Сибири, не поставляясь в Питер налогами или в приказном порядке. Особенно сейчас, когда корпорации больше походили на побитых собак, зализывающих раны. Когда в Сибирь потекли китайские деньги, оплачивающие «Звездный путь». Сейчас, когда от деятельности старика и его ученых зависит будущее их новой страны.

Гиляров глупцом не был, причем ни до Инцидента, ни сейчас. Кому-то, наверное, могло подумать именно так, но со стороны многое видится искаженным. Виделось и три года назад, когда на восстановление и спасение Академгородка наместник бросал все новые и новые силы, иногда вопреки более актуальным задачам.

И ведь спас. Уберег, сохранил. А теперь приумножит, заставив считаться с наработками не только федералов, но и многие корпорации. Дай только срок...

CREDITUM XIII

Зверем двигало чувство мести. Глубокое, свербящее, засевшее там, где обычно царствуют инстинкты размножения или охоты для пропитания. Это было не совсем родное чувство – еще сезон назад его порода не столь обуревалась новыми эмоциями. Но зверь не знал, не задумывался, не умел анализировать. Его толкала вперед дикая ярость к чужаку, так нагло ворвавшемуся в пещеру, и он был готов пройти хоть всю тайгу, но покарать обидчика.

Затаившись в корнях поваленного дерева, зверь высматривал. Выжидал, принюхиваясь, а в его необычной голове беспрерывно пульсировало – нагнать, поймать, уничтожить. Зверь был детищем нового мира, столь же бездумным и жестоким, как всё вокруг.

Сегодня он наконец-то нагнал добычу. Преследовал давно, почти не замечая, как дневной свет многократно сменялся ночной мглой. Несколько раз терял след, отчего бесился еще сильнее, рвал когтями древесную кору и рычал так, что на километры вокруг затихало всё живое. Но снова находил, роняя с гнилых клыков пенную слюну, и шел вперед. Жертва была хитра, умна, что еще сильнее раззадоривало и требовало не жалеть сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.